
А. Г. БОБРОВ

«Повести древних лет»¹

В нашей истории не много эпох, которые были бы окружены таким роем поэтических сказаний, как падение новгородской вольности. Казалось, «господин Великий Новгород», чувствуя, что слабеет его жизненный пульс, перенес свои думы с Ярославова двора, где замолкал его голос, на св. Софию и другие местные святыни, вызывая из них предания старины.

*В. О. Ключевский*²

1. Волоколамский сборник

Для истории литературы и книжности Великого Новгорода значительный интерес представляет подборка текстов, содержащаяся в рукописи РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 659 (далее — Волоколамский сборник), составленной в 1536 г. по повелению игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонта Кормилицына.³ Эта рукопись является конволютом, составленным из тетрадей, написанных разными почерками и в разное время.⁴ Как отметила Р. П. Дмитриева, Волоколамский сборник составлен «из

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ «Молодые доктора наук» (РФФИ, № 99-15-96095)

² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 162.

³ См. о нем Дмитриева Р. П. Нифонт Кормилицын // Словарь книжников. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 141—144. Нифонт был игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря в 1522—1543 гг.

⁴ Сборник, XVI в. 614 л. 4° (195×135 мм). Переплет XVI в. — доски в коже с тиснением, в обрез, застежки утрачены. На верхней крышке переплета сохранились три из четырех медные жуковины, а на нижней — две. На корешке переплета — бумажная наклейка с надписью «Рукопись Волок Б-ки № 659». Согласно оглавлению («Главы настоящия книги сея Соборникъ»), находящемуся на л. 1—2, содержит 58 глав. На л. 2 об. запись «В лѣто 7044 [1536] съврѣшися книга сия Съборник

статей, по преимуществу написанных в 20—30-е гг. XVI в. и привезенных из Новгорода и из Москвы».⁵

Среди материалов, включенных в рукопись, есть немало статей новгородской тематики и происхождения, но в данном исследовании мы уделим особое внимание текстам, находящимся в двух вставленных в сборник тетрадах 30-х гг. XVI в., переписанных одним почерком (л. 352—367 об.).⁶ Эти тексты посвящены не только новгородским, но и афонским (святогорским) подвижникам и святыням, однако рассматривать их следует вместе, так как они в совокупности представляют собой внутри Волоколамского сборника особый «новгородско-афонский сборник» (далее — НАСб.).⁷ Согласно оглавлению рукописи, составленному, очевидно, в 1536 г., в НАСб. содержится 9 глав (№ 20—28),⁸ однако же на самом деле всего их 11 (пропущена статья между 20-й и 21-й главами, не имеющая самоназвания — [Повесть о построении Благовещенской церкви], а также последняя, после 28-й главы, видимо, по причине дефектности — отсутствия окончания текста: «Воспоминание отчяти Святыя горы Афонския...»):

- 20 Повѣсть о Добрынь посадницѣ в Великом Новѣградѣ и 1
[Б/н Повесть о построении Благовещенской церкви]
- 21 Повѣсть о церкви Пречистыа на Михалицѣ в Новѣградѣ // и 1 об
- 22 Повѣсть како понамарь Софѣской видѣнье видѣ
- 23 Повѣсть о архиепископѣ Ионѣ Новѣгородиком
- 24 Чудо преподобнаго Варлама иже на Хутынѣ
- 25 О Святогорском монастырѣ, зовомем Иверской
- 26 О другом Святогорском монастырѣ, еже есть Ватопедѣ
- 27 Повѣсть о старци, иже живяше въ Святой горѣ в шумѣ
- 28 Повѣсть о юннѣм старци и авѣ, иже живяше въ Святой горѣ
- [Б/н «Воспоминание отчяти Святыя горы Афонския »]

Волоколамский сборник в целом (и НАСб. в частности) был широко использован еще В. О. Ключевским в его знаменитом труде «Древнерусские жития святых как исторический источник». Исследователь отметил наличие в нем «рядом» четырех новгородских повестей: «о варяжской божнице (иначе — Повесть о новгородском посаднике Добрыне. — А Б.), о Благовещенском монастыре, о просфоре (иначе — «Сказание о Михалицком монастыре». — А Б.) и об архи-

повѣлѣнием и благословением господина отца нашего игумена Нифонта при дръжавѣ благовѣрнаго великого князя Ивана Васильевича всея Руси и при архиепископѣ Макарьи Великаго Новаграда и Пскова»

⁵ Дмитриева Р. П. Нифонт Кормилицын С 142

⁶ Обе тетради, по 8 листов каждая, переписаны одним почерком (беглый полуустав с элементами скорописи) Водяной знак — кабан (см. Лихачев Вод. зн., № 3292 (1535 г.))

⁷ «Мы можем назвать сборником и такой свод произведений, которые в реальной рукописи под общим переплетом составляют только часть ее текста < > Если единым позднейшим переплетом объединены несколько рукописей разных почерков, то полное описание такого сборника представит интерес только для истории самой рукописи, для истории же текста понадобится описание только той ее части, которая написана одним почерком» (Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983 С. 248—249)

⁸ В соответствии с оглавлением пронумерованы на полях рукописи и сами главы (см. Приложение)

епископе Ионе (пророчество блаженного Ионе в детстве. — А. Б.)), и заметил, что «по ссылкам, какие делает в них автор, видно, что *оне записаны одной рукой* (курсив мой. — А. Б.). Так в первой из них замечено: „сия ми поведѣ игумена Сергий Островского монастыря от св. Николы, отец Захкиев, нынешнего игумена Хутынского“; вторая начинается словами: „той же чудный муж Сергие поведѣ“, «третья: „Поведаше некто от благочестивых муж“; четвертая: „Поведѣ нам сам господин архиеп. Иона“». ⁹ По мнению В. О. Ключевского, эти четыре повести были записаны «в конце 70-х или в 80-х гг. XV в., когда подчинение Новгорода Москве было решено и когда в нем стали обнаруживаться иконоборческие мнения жидовствующих». ¹⁰

Еще один сборник, сходный по составу с Волоколамским, находится в коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области (ГАЯО, № 1265, 1557—1558 гг.; далее — Ярославский сборник). Эта рукопись, переписанная, согласно записи на л. 90—90 об., «повелением» Григория Никифорова в 7066 (1557/1558) г. и вложенная в Михайловский Сковородский монастырь около Новгорода, была впервые описана В. В. Лукьяновым, ¹¹ а введена в научный оборот С. О. Шмидтом. ¹² Среди статей Ярославского сборника находим все те сочинения и в том же порядке, что и в НАСб. (из них Повесть о посаднике Добрыне и первые четыре Афонские повести были изданы С. О. Шмидтом, причем сопоставление текстов НАСб. и Ярославского сборника свидетельствует о вторичности последнего).

Дополнительный материал для изучения цикла новгородских повестей был привлечен Л. А. Дмитриевым, указавшим, что в состав Волоколамского сборника входят не 4, а 6 легендарных новгородских сочинений (В. О. Ключевским не были отмечены «Видение пономаря Аарона» и Чудо Варлаама Хутынского о двух осужденных). Рассматривая, вслед за В. О. Ключевским, ту часть Волоколамского сборника, в которую входят перечисленные сочинения, как «цельную подборку легендарных новгородских рассказов» и отмечая их «объединенность», Л. А. Дмитриев, однако, высказал сомнение в «принадлежности всех их одному автору». ¹³

Кроме того, исследователь привлек к анализу еще 2 сборника схожего состава: РГБ, ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 39, начала XIX в. (далее — Румянцевский сборник), и СПбИИ РАН, собр. Н. П. Лихачева, оп. 1, № 294, середины XVII в. (далее — Лихачевский сборник). В Румянцевском сборнике содержатся

⁹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых... С. 162—163.

¹⁰ Там же. С. 164.

¹¹ Лукьянов В. В. Дополнение к книге: Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX вв. Ярославль, 1957 (машинопись).

¹² Шмидт С. О. 1) Предания о чудесах при постройке Новгородской ропаты // Историко-археологический сборник: (К 60-летию А. В. Арциховского). М., 1962. С. 319—325; 2) Малонизвестная запись новгородского книжника XVI в. // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 148—152; 3) Сказания об Афонских монастырях в новгородской рукописи XVI века // Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 355—363.

¹³ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 171—172.

5 первых новгородских сочинений (нет последнего — Чуда Варлаама Хутынского о двух осужденных), причем они, по мнению Л. А. Дмитриева, скопированы с Волоколамского списка: «Последовательность текстов такая же и различия ограничиваются орфографией».¹⁴ Что же касается Лихачевского сборника, то в нем помимо всех 6 известных по Волоколамскому сборнику текстов содержится еще ряд дополнительных новгородских сочинений: Сказание о чуде иконы Знамения; текст об Арсении Коневском; Предсказание Михаилом Клопским поставления во владыки Евфимию II; Житие Исидора Юрьевского и «Сказание о Мануиле Греческом». Как отметил Л. А. Дмитриев, «вся эта новгородская часть Лихачевского сборника требует специального исследования», однако «совершенно очевидно, что и Волоколамский сборник, и Лихачевский восходят к какому-то сборнику новгородских легендарных рассказов».¹⁵

Р. П. Дмитриева, отметив наличие в Волоколамском сборнике новгородских и псковских житий и сказаний, указала на близость его составителя кругу архиепископа Макария, а также заметила, что 2 сочинения из числа вошедших в анализируемые тетради, содержащие НАСб., — «Повесть о посаднике Добрыне» и «Повесть о Святогорском монастыре, зовомом Иверском» — были переписаны самим игуменом Нифонтом Кормилицыным в собственный сборник (РНБ, Q.XVII.15; далее — Нифонтовский сборник).¹⁶

Еще один сборник, чрезвычайно близкий по составу к НАСб., был подарен в 1973 г. рукописному отделу Института русского языка РАН (ф. I, № 20; далее — Институтский сборник).¹⁷ Эта рукопись первой половины XVII в. содержит не только все 6 новгородских сочинений, встречающихся и в НАСб. (главы расположены в том же порядке: л. 204 об.—213 об.), но и все 5 текстов, связанных со Святой горой (из них первый и последний тексты переписаны после остальных и отделены от них некоторыми другими статьями: л. 213 об.—217, 218—221 об., 236 об.—239). Как было отмечено В. С. Голышенко, вновь обнаруженный сборник «отдельными своими частями близок по содержанию» к некоторым сборникам из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря, в том числе и № 659.¹⁸ Более того, практически полное совпадение приведенных в описании заглавий и инципитов статей Институтского сборника¹⁹ с НАСб. позволяет предположить, что он напрямую восходит к анализируемому Волоколамскому сборнику.

¹⁴ Там же. С. 173. С. О. Шмидт предположил, что текст «Повести о посаднике Добрыне» в Румянцевском сборнике восходит к Нифонтовскому (РНБ, Q.XVII.15) (Ш м и д т С. О. Предания о чудесах... С. 320), но это не объясняет наличия в Румянцевском списке других новгородских повестей из НАСб., которых нет в Нифонтовском сборнике (см. подробнее ниже).

¹⁵ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера... С. 174.

¹⁶ Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 215—216.

¹⁷ Голышенко В. С. Сборник XVII в. из собрания Института русского языка АН СССР // Памятники русского языка: Исследования и публикации. М., 1979. С. 203—238.

¹⁸ Там же. С. 230—231.

¹⁹ Там же. С. 222—226.

Сравнив состав и последовательность новгородских статей Волоколамского и Лихачевского сборников, О. Л. Новикова пришла к убедительно аргументированному выводу о вторичности текста Лихачевского сборника, в котором сочинения выстроены в хронологическом порядке описываемых событий, а между ними «вставлены статьи летописного характера (но не всегда летописного происхождения), образующие смысловые связки между произведениями».²⁰ По мнению О. Л. Новиковой, «подборка, помещенная в Лихачевском списке, получила свое окончательное оформление в этом списке — рукописи XVII века».²¹

Итак, с «новгородско-афонскими» статьями Волоколамского сборника связаны, как это было установлено разными исследователями, еще 5 сборников: Нифонтовский (конца первой половины XVI в.), Ярославский (1557—1558 г.), Институтский (первой половины XVII в.), Лихачевский (середины XVII в.) и Румянцевский (начала XIX в.). Все они, однако, имеют черты вторичности по отношению к НАСб., поэтому в дальнейшем основное внимание мы уделим новгородским текстам и более близкого к протографу, и более древнего Волоколамского сборника.

2. «Новгородский цикл» Волоколамского сборника

Открывается «новгородский» раздел рукописи киноварным заголовком: «Повѣсти древних лѣтъ, яже съдѣяшася в Великомъ Новѣгородѣ». Несомненно, множественное число («повести») говорит о том, что этот заголовок относится не только к одной следующей далее Повести о варяжской божнице (о посаднике Добрыне), но и ко всему циклу. Рассмотрим сочинения, входящие в «новгородский цикл» Новгородско-Афонского сборника более пристально.

1) [Повесть о варяжской божнице (о посаднике Добрыне)].

Повесть находится в рукописи на л. 352—354 и озаглавлена «О посадникѣ Добрынѣ» (завершающий эпизод имеет отдельный заголовок — «О тои же ропатѣ», л. 353 об.). В научной литературе принято называть этот текст «Повестью о посаднике Добрыне» или «Повестью о варяжской божнице».²² В редакции Волоколамского сборника (Л. А. Дмитриев называет ее условно «первой») повесть известна еще в 5 списках: Нифонтовском, Ярославском, Институтском, Лихачевском и Румянцевском. Произведение неоднократно издавали исследователи древнерусской книжности: Н. М. Карамзин²³ и К. Ф. Калайдович²⁴

²⁰ Новикова О. Л. Новгородские сборники XVI—XVII вв.: летописи, сказания, жития // РЛ. 2000. № 3. С. 79.

²¹ Там же. С. 81.

²² Дмитриев Л. А. Повесть о варяжской божнице // Словарь книжников. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 225—227.

²³ Карамзин Н. М. История государства Российского. 2-е изд. СПб., 1818. Т. 3. С. 154—155, примеч. 244; соврем. изд.: Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1991. Т. 2—3. С. 607—608 («из одной старинной книги Волоколамского монастыря»).

²⁴ [Калайдович К. Ф.] «Повести древних лет, яже содеяшася в Великом Новгороде. О посаднике Добрыне» (из древней рукописи) // Северный архив. 1827. Ч. 26. С. 196—200.

(оба — по Нифонтовскому сборнику), Г. Кушелев-Безбородко (т. е. Н. И. Костомаров) — по Румянцевскому сборнику,²⁵ С. О. Шмидт — по Ярославскому сборнику,²⁶ Л. А. Дмитриев — по Волоколамскому сборнику.²⁷ Кроме того, известны еще две другие редакции Повести, взаимоотношение которых с нашей, так называемой первой, редакцией требует еще дальнейшего рассмотрения.²⁸

Открывающая цикл Повесть о посаднике Добрыне начинается словами: «В лѣта благочестивыхъ великихъ князеи нашихъ русскихъ, живущимъ новгородцемъ в своей свободѣ и со всѣми землями в мѣре и совокуплении...». Эта фраза выглядит как вводная по отношению ко всей подборке новгородских текстов. Далее рассказывается история о строительстве в Новгороде западной церкви и наказании получившего мзду посадника Добрыни (он был утоплен вихрем в Волхове за содействие «немцам» и повеление перенести церковь Иоанна Предтечи на другое место). Завершается Повесть дополнительным чудом «О той же ропать», которое записавшему его книжнику «повѣда игумен Сергии Островского монастыря от святого Николы, отецъ Закхивъ, нынѣшняго игумена Хутиньского» (л. 353 об.). Указание на игуменство Сергия и Закхия позволяет датировать письменную фиксацию легенды концом 70-х гг. XV в. (см. подробнее ниже).

2) [Повесть о построении Благовещенской церкви].

Повесть находится в Волоколамской рукописи на л. 354—356 и озаглавлена следующим образом: «Тои же ми чюдныи муж Сергие повѣда о Благовѣщенской церкви монастыря Благовѣщенского, юже создаша два брата по плоти, потом же оба бывша архиепископи Великому Новугороду, именемъ Григории и Иванъ». В научной литературе принято называть этот текст «Повестью о построении Благовещенской церкви» или «Повестью о Благовещенской церкви». Произведение в ряде списков присоединено к Житию Иоанна Новгородского, но встречается и в отдельных списках. Повесть возникла независимо от Жития Иоанна; известна в единственной редакции.²⁹ Произведение неоднократно публиковалось по разным спискам (но не по Волоколамскому): Г. Кушелевым-Безбородко (т. е. Н. И. Костомаровым),³⁰ издателями Великих Миней Четых

²⁵ Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860. Вып. 1. С. 249—253.

²⁶ См.: Ш м и д т С. О. Предания о чудесах... С. 319—325.

²⁷ Повесть о посаднике Добрыне // ПЛДР. М., 1982. [Т. 5]: Вторая половина XV в. С. 186—191, 598—599; Повесть о посаднике Добрыне // БЛДР. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV в. С. 22—25, 492—493 (в обоих случаях — подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Дмитриева).

²⁸ См.: Н и к о л ь с к и й А. И. Сказания о двух новгородских чудесах из Жития святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня // ИОРЯС. 1907. Т. 12, кн. 3. С. 98—116; Р ы б и н а Е. А. Повесть о новгородском посаднике Добрыне // АЕ за 1977 г. М., 1978. С. 79—85; Д м и т р и е в Л. А. Повесть о варяжской божнице. С. 226.

²⁹ См.: Д м и т р и е в Л. А. Повесть о построении Благовещенской церкви Иоанном и Григорием // Словарь книжников. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 267—268.

³⁰ Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. 1. С. 255—256.

митрополита Макария,³¹ Л. А. Дмитриевым.³² Датировка письменной фиксации этой новгородской легенды концом 1470-х гг. также определяется указанием («Тои же ми чюдный муж Сергие повѣда») на ее рассказчика, игумена Нико-ло-Островского монастыря Сергия (см. подробнее ниже).

3) [Повесть о Михалицком монастыре].

Повесть находится в Волоколамской рукописи на л. 356—357 и озаглавлена следующим образом: «Сие же о церкви Пречистыя честнаго ея Рождества, яже есть в манастири женьством на Михалицѣ, так зовемъ от искони». Ссылка на рассказчика в начале Повести явно напоминает ссылки книжника на рассказы игумена Сергия в двух предыдущих повестях («Повѣда ми нѣкто от честных о церкви пречистыя, яже есть в манастири на Мѣхалицѣ, сие...»; л. 356). В XVII в. Повесть о Михалицком монастыре была включена в состав Новгородской третьей летописи («Летописец Новгородский церквам Божиим») под 1199 г.,³³ однако ее списки, более древние, чем содержащийся в Волоколамском сборнике, неизвестны. Повесть текстологически не изучена; издавалась только в летописной версии. Для датировки письменной фиксации легенды нет прямых оснований; заметим лишь, что указание в конце Повести на строительство «трапезы» в монастыре может относиться ко времени только после начала распространения общежительных монастырей в Новгородской земле (скорее всего, к XV в.). Если верить свидетельству Новгородской второй летописи, в 6987 (1479) г. в Михалицком монастыре была заложена каменная церковь Рождества Богородицы,³⁴ что могло привлечь внимание книжника, записывавшего новгородские легенды, к истории этой обители.

4) [Видение пономаря Аарона].

Произведение находится в Волоколамской рукописи на л. 357—357 об. и не имеет заглавия (нач.: «При архиепископѣ Еуфимии Новгородкомъ въ едину ночь видѣ понамарь Софѣискои инок Аронъ не во снѣ, ни в привидѣнии, но явѣ...»). В XVI в. «Видение пономаря Аарона» было включено в состав Новгородской летописи Дубровского в статью 6966 (1458) г., но при этом отнесено к 6946 (1438) г.,³⁵ а в XVII в. — в состав Новгородской третьей летописи («Летописец Новгородский церквам Божиим») под 6947 (1439) г.³⁶ Древнейший список «Видения» находится в Волоколамском сборнике. Сочинение текстологически не изучено; издавалось только в летописных версиях. Пономарь инок

³¹ Великие Миние Четьи митрополита Макария Сентябрь, дни 1—13 СПб, 1868 Стб 345—347

³² Повесть о Благовещенской церкви // ПЛДР М, 1981 [Т 4] XIV—середина XV в С 464—467, 584—585, Повесть о Благовещенской церкви // БЛДР СПб, 1999 Т 6 XIV—середина XV в С 460—463, 570—571 (в обоих случаях — подготовка текста по списку БАН, 34 4 1 (XVII в), перевод и комментарии Л. А. Дмитриева)

³³ См Новгородские летописи СПб, 1879 С 198—200

³⁴ Там же С 57

³⁵ ПСРЛ Л, 1925 Т 4, ч 1, вып 2 С 491

³⁶ См Новгородские летописи С 271—272

Аарон был отождествлен В. В. Филатовым с иконописцем иноком Аароном, написавшим в 1439 г. икону «Архангел Гавриил» для иконостаса Софийского собора «повелением» архиепископа Евфимия.³⁷ Как отметил Л. А. Дмитриев, в Лихачевском сборнике текст «Видения пономаря Аарона» читается в другой версии: повествование о чуде в Софийском соборе ведется от первого лица как рассказ самого Аарона («Аз же, смиренный инок Арон понамарь, от страха падох...»);³⁸ Возможно, письменная фиксация книжником сюжета о чуде в Софийском соборе 1439 г. также была основана на устном рассказе самого пономаря Аарона.

5) [Предсказание архиепископу Ионе].

Рассказ о предсказании будущего архиепископства Ионе неким блаженным находится в Волоколамской рукописи на л. 357 об.—358 об. и озаглавлен так: «О архиепископѣ Ионѣ Новгородцкомѣ». Ссылка на рассказчика в начале текста, бесспорно, напоминает ссылки книжника на рассказы игумена Сергия в двух первых повестях цикла («Повѣда намъ самъ господинъ архиепископъ Иона...»; л. 357 об.). Рукописная традиция «Предсказания архиепископу Ионе» не изучена. В XVI в. сочинение под названием «Сказание о архиепископѣ Новгородскомѣ Ионе» было включено в Новгородскую летопись Дубровского (под 6967 (1459) г.).³⁹ Существует список, сделанный в 1529—1531 гг. рукой Михаила Медоварцева⁴⁰ (БАН, Архангельское собр., Д. 193, л. 460—460 об., на полях).⁴¹ В этом списке названо имя юродивого («блаженный старец Михаил Клопский уродом ся творя»), но пропущено указание на то, что взявшая на воспитание сироту Ивана (будущего архиепископа Иону) Наталья Медоварцева была бабкой писца («а Михайловѣ бабѣ» — НАСб., л. 358—358 об.).

Письменная фиксация рассказа архиепископа Ионы произошла после его кончины в 1471 г., так как в конце текста указано, что он «бысть на архиепископствѣ 12 лѣтъ и шесть месяць» (НАСб., л. 358 об.). Хотя имя блаженного, предсказавшего Ионе будущее, в НАСб. не названо, для Михаила Медоварцева, а также для составителя версии Лихачевского сборника (см.: СПБИН РАН, собр. Н. П. Лихачева, оп. 1, № 294, л. 48 об.—49) и для автора Жития архиепископа Ионы (другое название — Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском) было ясно, что им являлся именно св. Михаил Клопский.

В Житие архиепископа Ионы данный эпизод вошел в варианте, бесспорно напрямую восходящем к тексту «О архиепископѣ Ионѣ Новгородцкомѣ» в НАСб.:

³⁷ Филатов В. В. Иконостас Софийского собора // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 63—82.

³⁸ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера... С. 174.

³⁹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 492—493.

⁴⁰ См. о нем: Дмитриева Р. П. Медоварцев Михаил // Словарь книжников. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 109—113.

⁴¹ Синицына Н. В. Книжный мастер Михаил Медоварцев // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. С. 313—314.

Предсказание Ионе (НАСб)	Житие архиепископа Ионы
Дѣти же устремившесѧ на него всѣ, и начаша метати камене и смети на очи его	...вси дѣти < > измѣтаемая из домовъ сметиа на главу безумнѣ възметаху и камене по ногахъ метаху ему < >
А мнѣ стоящу на единомѣ мѣсти недвижи- мо	дѣтишу же сему стоящу на мѣстѣ укромнѣ < >
Он же < > притече ко мнѣ и взем мя за власы, да подыялѣ выше себе	притекъ бо взятъ отрочища сего за вла- сы, и подыемъ его вышши себе, въпиаше ему
«Иванецъ, учися Господне грамотѣ с при- лежаниемъ, быти тебѣ в Великомѣ Новѣго- родѣ архиепископомъ»	«Иване, < > учи книги прилѣжно, имаши бо великому граду сему архиепископъ быти» ⁴²

Таким образом, можно утверждать, что письменная фиксация рассказа самого Ионы о предсказании ему архиепископства уже существовала к моменту создания его Жития и явилась одним из источников этого агиографического сочинения. Вопрос о времени создания Жития архиепископа Ионы не решен окончательно, но в любом случае «несомненно <...>, что в основе известных редакций Жития Ионы Новгородского лежит произведение современника».⁴³ Возможно, Житие было создано уже в 1472—1473 г., так как в нем говорится: «И второму лѣту уже исходящу по успении его и никтоже доднесь смрад обонявъ явися от гроба его»;⁴⁴ но даже если создание Жития датировать несколько более поздним временем, все равно письменная фиксация его источника — рассказа Ионы должна быть отнесена к 70-м—началу 80-х гг. XV в. Между прочим, из Жития архиепископа Ионы известно, что этот владыка просил Пахомия Логофета написать Житие блаженного Михаила Клопского, но «не возможе его принудити».⁴⁵ Можно полагать, что, пытаясь «принудить» агиографа написать Житие Михаила, Иона должен был рассказать ему об этом предсказании.

6) [Чудо Варлаама Хутынского о двух осужденных].

Чудо Варлаама Хутынского о двух осужденных находится на л. 358 об.—360 Волоколамского сборника. Оно озаглавлено в рукописи следующим образом: «От чудес преподобнаго чудотворца Варлаама Хутынского, яже множества ради чудес его не написана быша сия». Статья встречается в рукописной традиции как отдельная либо в составе Жития Варлаама Хутынского. По мнению Л. А. Дмитриева, Пахомий Логофет в 1470-х гг., перерабатывая собственную

⁴² Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском // БЛДР СПб, 1999 Т 7 Вторая половина XV в С 236 (подготовка текста, перевод и комментарии М В Рождественской)

⁴³ Прохоров Г М Пахомий Серб // Словарь книжников Л, 1989 Вып 2, ч 2 С 175 По поводу авторства Жития архиепископа Ионы в первоначальной редакции существуют сомнения возможно, оно было написано самим Пахомием Сербом (см Там же С 175—176)

⁴⁴ Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском С 252 Правда, по мнению Я С Лурье, Житие Ионы Новгородского написано после 1480 г, так как в нем содержится предсказание об освобождении Руси «от ординских царей» (Лурье Я С Житийные памятники как источники по истории присоединения Новгорода // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 48 С 192—193)

⁴⁵ Повесть об Ионе, архиепископе Новгородском С 250, Ср Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г Кушелевым-Безбородко СПб, 1862 Вып 4 С 33

более раннюю редакцию Жития Варлаама Хутынского, включил в нее дополнительные чудеса, в том числе и данное Чудо о двух осужденных.⁴⁶ Таким образом, и это сочинение, очевидно, получило письменную фиксацию лишь в 1470-х гг. сначала в виде отдельной статьи, а потом было включено в состав новой версии Жития преподобного Варлаама.

3. «Святогорский цикл» Волоколамского сборника

Вслед за 6 сочинениями, повествующими о новгородских подвижниках и святынях, в составе НАСб. следуют 5 текстов о Святогорских обителях. Хотя заголовок «Повѣсти древних лѣтъ, яже съдѣяшася в Великомъ Новѣгородѣ», очевидно, может относиться только к «новгородским» сочинениям сборника, рассмотрение этих «афонских» текстов важно для установления литературного окружения и истории складывания интересующего нас цикла. Связь новгородского и афонского (святогорского) циклов сочинений в пределах одного сборника представляется нам не случайной. Как отметил Г. И. Вздорнов, еще на рубеже XIV и XV вв. культурные контакты Новгорода осуществлялись преимущественно с Афоном, в то время как Москвы — с Константинополем (Царьградом).⁴⁷ Не позже 1438 г. архиепископ Новгородский Евфимий II пригласил с Афона священноинока Пахомия Логофета.⁴⁸ Известны также другие факты, свидетельствующие о существовании новгородско-афонских культурных связей, осуществлявшихся в то время главным образом иноками Лисицкого монастыря.⁴⁹ Обратимся теперь к самим «святогорским» текстам анализируемого сборника и попытаемся выяснить, когда они могли проникнуть в древнерусскую рукописную книжность.

1) [Сказание о иконе Богоматери Иверской].

Сочинение, которое в научной традиции принято называть «Сказание о иконе Богоматери Иверской», находится в Волоколамском сборнике на л. 360 об.—363 об. Оно озаглавлено в рукописи так: «О Святогорьскомъ монастыри, зовомемъ Иверской, в нем же церкви Успение Пречистыя».

В древнерусской книжности, как указал Д. М. Буланин, существуют три варианта предания о происхождении «одной из самых знаменитых святынь православного мира — чудотворной иконы Божьей матери, находящейся в

⁴⁶ Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера. С. 31, 33—34.

⁴⁷ Вздорнов Г. И. Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV и XV вв. // ТОДРЛ Л., 1968 Т. 23 С. 181.

⁴⁸ Прохоров Г. М. Пахомий Серб С. 167. Время приезда Пахомия в Новгород определяется по наличию его сочинений в датированной ноябрьской служебной Минее 1438 г. (РНБ, Софийское собр., № 191).

⁴⁹ См. Бобров А. Г. 1) Книгописная мастерская Лисицкого монастыря (Конец XIV—первая половина XV в.) // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв. Разные аспекты исследования СПб., 1991 С. 78—98, 2) Новгородские летописи XV в. СПб., 2001 С. 114—117.

Иверском Афонском монастыре».⁵⁰ Первый из них, раньше остальных появляющийся в составе древнерусских сборников, — это и есть вариант, читающийся в НАСб.; он «появляется в рукописях XVI в. вместе с другими рассказами об афонских святынях».⁵¹ Среди рукописей, содержащих комплекс «афонских» текстов, Д. М. Буланин указывает уже упоминавшийся выше Ярославский сборник, а также рукопись ГИМ, Чудовское собр., № 34 (новгородских статей в ней нет).⁵² Исследователь отметил, что в начале XVII в. Сказание о иконе Богоматери Иверской вместе с двумя другими сочинениями из нашего «святогорского цикла» (Повесть о Ватопедском монастыре и «Воспоминание отчасти Святыя горы Афонския...») попадают в позднее Троицкое собрание сочинений Максима Грека, что дало повод приписывать авторство этих сочинений этому писателю. «Между тем, — замечает Д. М. Буланин, — атрибуция (Сказания. — А. Б.) Максиму Греку не может быть признана достаточно убедительной. Против его авторства говорит и язык произведения, по определению А. И. Соболевского, „сбивающийся на русский“, и тот факт, что в составе другой компилятивной статьи, надписанной именем Максима <...>, читается иной вариант Сказания. По-видимому, первый вариант был переведен в XVI в. в России, а может быть, записан со слов афонских монахов, часто в это время появляющихся в Москве».⁵³ Текст «Сказания» наряду с другими «афонскими» сказаниями был опубликован по Ярославскому списку С. О. Шмидтом,⁵⁴ высказавшим предположение, что они могли быть записаны около 1547 г., когда старец Софроний Грек из Савина монастыря близ Иерусалима и старец Синайской горы Григорий «сказывали» митрополиту Макарию повести о Савине монастыре и о Египте («Быть может, примерно к этому времени и относится запись публикуемых сказаний? Монахи афонских монастырей в те годы бывали в России, а Максиму Греку снова предоставили возможность вести „душеполезные“ беседы»⁵⁵). Так как Волоколамский сборник был создан в 1536 г., письменная фиксация «афонских» сказаний должна быть отнесена к более раннему времени, чем 1547 г.

2) [Повесть о Ватопедском монастыре].

Произведение, известное в научной литературе под названием «Повесть о Ватопедском монастыре»,⁵⁶ находится в Волоколамском сборнике на л. 363 об.—365 об. и озаглавлено так: «Сие же о другомъ манастыри Святогорскомъ, еже

⁵⁰ См. Буланин Д. М. Сказание о иконе богоматери Иверской // *Словарь книжников* Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 362—365.

⁵¹ Там же С. 362.

⁵² См. Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. С. 133—134 (№ 236 (34), Сборник, вторая половина XVI в., л. 394—397. О святогорских монастырях).

⁵³ Буланин Д. М. Сказание о иконе богоматери Иверской. С. 362—363.

⁵⁴ Шмидт С. О. Сказания об Афонских монастырях. С. 358—360.

⁵⁵ Там же С. 358.

⁵⁶ Буланин Д. М. Повесть о Ватопедском монастыре // *Словарь книжников* Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 227—230.

есть Ватопедѣ». Вариант повести из нашего сборника «появляется в рукописях XVI в. вместе с другими рассказами об афонских святынях»; эта версия «разделила судьбу Сказания об Иверской иконе Богоматери: в нач. XVII в. она попала в Троицкое собрание сочинений Максима Грека (под заглавием «О монастыре Ватопеди»), что дало повод А. И. Иванову приписать ему данный текст (оснований для этого недостаточно...)».⁵⁷ По мнению Д. М. Буланина, «различные версии легенды о возникновении Ватопедского монастыря записывались на Руси со слов афонских иноков».⁵⁸ Текст Повести опубликован С. О. Шмидтом по Ярославскому списку.⁵⁹

3) [О некоем старце].

Первый из двух рассказов святогорского старца Герасима в Волоколамском сборнике заглавия не имеет; находится на л. 365 об.—366 (нач.: «Повѣда нам старецъ от Святыя горы, именемъ Герасим, дивну вещь...»). Текст был опубликован С. О. Шмидтом по Ярославскому списку.⁶⁰

4) [О старце Павле].

Второй из рассказов святогорского старца Герасима в рукописи никак не озаглавлен; находится на л. 366—367; начинается словами: «Тои же старецъ Герасим повѣда...». Его текст также публиковался только С. О. Шмидтом по Ярославскому списку.⁶¹ По поводу обоих текстов исследователь заметил, что они, очевидно, входили в «первоначальный комплекс» сказаний об афонских монастырях, причем «сказания эти («поведания» старца Герасима) еще больше напоминают устные рассказы: в них приводятся бытовые подробности монастырской жизни, заметны элементы просторечия».⁶² По мнению С. О. Шмидта, «в основу сказаний (особенно о Павлове монастыре) положены рассказы, записанные со слов афонских монахов на Руси или русскими, побывавшими на Афоне».⁶³ Для датировки письменной фиксации рассказов старца Герасима у нас нет достаточных оснований: афонский монах с таким именем по другим источникам неизвестен.

Попытаемся, однако, высказать осторожную догадку: не мог ли быть выходцем со Святой горы и рассказчиком этих историй известный книжник конца XV в. Герасим Поповка?⁶⁴ О том, где провел первую половину жизни Герасим Поповка, ничего не известно, но его младший брат, Дмитрий Герасимов (род. около 1465 г.), во всяком случае, в юности учился в Ливонии,⁶⁵ а сам Герасим

⁵⁷ Там же С 228

⁵⁸ Там же

⁵⁹ Ш м и д т С О Сказания об Афонских монастырях С 361—362

⁶⁰ Там же С 362

⁶¹ Там же

⁶² Там же С 357—358

⁶³ Там же С 358

⁶⁴ См о нем Лурье Я С Герасим Поповка // Словарь книжников Л, 1988 Вып 2, ч 1 С 149—150

⁶⁵ Казакова Н А Дмитрий Герасимов (Митя Малый) // Там же С 195

впервые появляется в русских источниках в 1487 г. уже как инок, авторитетный книжник, писец Патерика (ср. с патериковым характером рассказов старца Герасима в Волоколамском сборнике), посланного им из Новгорода Иосифу Волоцкому (РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 657), а спустя два года он же («грѣшный черньчишко») посылает волоколамскому игумену книгу «Житие и деяния Сильвестра папы Римского» «да бочку лососеи, да полтора луба соли».⁶⁶ Впоследствии Герасим Поповка в 1491 г. записал со слов доминиканца Вениамина рассказ о взятии Царьграда турками, а в 1499 г. руководил изготовлением Геннадиевской Библии.⁶⁷ Одна любопытная деталь заставляет вспомнить Герасима Поповку в связи с рассказом старца Герасима в НАСб. о безбородом основателе Павлова монастыря на Афоне: в рукописи библейских книг 1490-х гг., посланной из Новгорода в Иосифо-Волоколамский монастырь, имеются два киноварных рисунка безбородых людей,⁶⁸ что достаточно необычно для православной традиции.

Если рассказчиком этих историй действительно был Герасим Поповка, то они также могли получить письменную фиксацию в Новгороде в конце XV в.

5) [«Воспоминание отчасти святых горы Афонских...»].

Текст, озаглавленный «Въспоминание отчасти Святых горы Афонских, како наречена бысть Святая гора, и коих ради дѣль тако прозвася», находится на л. 367—367 об. Волоколамского сборника (окончание утрачено). Это апокрифическое сочинение о посещении Афона Богородицей в начале XVII в. было включено наряду с двумя другими «афонскими» сказаниями в Троицкое собрание сочинений Максима Грека, но его принадлежность перу этого писателя сомнительна. Древнейшие списки «Воспоминания» относятся к началу XVI в.; произведение остается неизданным.⁶⁹ Таким образом, этот текст проник в древнерусскую книжность не позже начала XVI в., что хорошо согласуется с данными о времени письменной фиксации остальных сочинений «новгородско-афонского» цикла.

4. Датировка «Новгородского цикла»

Предложенная В. О. Ключевским датировка цикла новгородских повестей концом 70-х—80-ми гг. XV в. основана на достаточно общих соображениях («написаны... когда подчинение Новгорода Москве было решено и когда в нем стали обнаруживаться иконоборческие мнения жидовствующих»)⁷⁰ Широкую датировку создания цикла дают упоминание в тексте кончины архиепископа

⁶⁶ Хрущов И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868. С. 262—263.

⁶⁷ Лурье Я. С. Герасим Поповка. С. 149.

⁶⁸ РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 9, л. 2. Благодарю В. А. Ромодановскую, указавшую мне на этот факт.

⁶⁹ См.: Троицкая Т. С. Воспоминание отчасти святых горы Афонских, како наречена бысть Святая гора и коих ради вин тако прозвася // Словарь книжников. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 142—144.

⁷⁰ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых... С. 164.

Ионы (т. е. после 1470 г.) и тот факт, что дошедшее в списке, вложенном игуменом Досифеем в Соловецкий монастырь в 1494 г. (РНБ, Соловецкое собр., № 500/519), Житие Иоанна Новгородского цитирует вошедшую в подборку Повесть о Благовещенской церкви (т. е. цикл сложился в известном нам составе не раньше 1470 и не позже 1494 гг.).

Для более точной датировки письменной фиксации анализируемого цикла повестей и сказаний существенное значение имеют упоминаемые в нем имена двух новгородских игуменов — Сергия и его сына Закхея. В особенности выяснение биографии Закхея имеет принципиальное значение для истории новгородской литературы и книгописания последней трети XV в. В этом направлении многое уже сделано Н. А. Охотиной-Линд, опубликовавшей в 1992 г. отдельную статью об этом книжнике, а также посвятившей его деятельности многие страницы своей монографии о Валаамском монастыре.⁷¹ Основные выводы исследовательницы таковы.

Н. А. Охотина-Линд обнаружила и подробно проанализировала 5 переписанных иноком Закхеем рукописей: Слова Григория Богослова 1475 г., Закхеевское евангелие 1495 г., лицевое Евангелие конца XV в. (БАН, 13.1.26), Евангелие 1506—1507 гг. и Лицевое Евангелие 1523 г. Хотя перечисленные рукописи создавались на протяжении почти 50 лет, принадлежность их одному писцу не вызывает сомнений (отождествление почерков Евангелий 1495 г. и 1523 г. принадлежит автору этих строк, отождествление почерков в других рукописях осуществлено Н. А. Охотиной-Линд). Первые 3 рукописи, созданные в XV в., были переписаны на Валааме, Евангелие 1506—1507 гг. — в Хутынском монастыре под Новгородом, а Евангелие 1523 г. — в Коневском монастыре на Ладожском озере.

Валаамский книжник Закхей отождествляется Н. А. Охотиной-Линд с известным по ряду источников («Повесть о посаднике Добрыне», «Повесть о пономаре Тарасии», Жалованная грамота Палеостровскому монастырю) хутынским игуменом Закхеем. Существенным здесь оказывается обстоятельство, что, переписывая в Хутынском монастыре Евангелие 1506—1507 гг., Закхей в своей записи не упоминает о благословении игумена обители, следовательно, включает исследовательница, «в то время Закхей сам был хутынским игуменом».⁷² Действительно, в известном памятнике новгородской литературы начала XVI в. — «Видении пономаря Тарасия» — говорится, что видение это явилось хутынскому пономарю в 1505 г., он же «повѣда сие <...> тоя святыя обители игумену Закхеи и всеи братии...».⁷³ В другом источнике — «Повести о посаднике Добрыне», как уже упоминалось, говорится: «Сия ми повѣда игумен Сергии Островьского монастыря от святого Николы, отець Закхивъ, нынешнего игумена Хутиньского».⁷⁴ Наконец, третий источник, привлекаемый в этой связи, — это Жалованная грамота хутынского игумена Закхея палеостровско-

⁷¹ Охотина-Линд Н. А. Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996.

⁷² Там же. С. 141.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Волоколамский сборник, л. 353 об. (изд.: ПЛДР. М., 1982. Вторая половина XV в. С. 190).

му игумену Конону и палеостровским старцам о разрешении рыбной ловли на реке Челможе, впервые введенная в научный оборот Вадимом Ивановичем Корецким в 1958 г.⁷⁵

Тот факт, что в 1475 и 1495 гг. Закхей переписывает рукописи на Валааме (последнюю — для Хутынского монастыря), а под 1505 г. он упоминается как Хутынский игумен в «Повести о пономаре Тарасии», позволяет Н. А. Охотиной-Линд датировать «Повесть о посаднике Добрыне» и Жалованную грамоту Палеостровскому монастырю (где Закхей также фигурирует как Хутынский игумен) временем после 1495 г., но до 1523 г., когда Закхей уже в преклонном возрасте переписывает рукопись в Коневском монастыре. Биографию Закхея исследовательница реконструирует следующим образом: «Молодые годы инок Закхей, вероятно, сын игумена Островского монастыря Сергия, проводит в Валаамском монастыре. „Слова Григория Богослова“, переписанные им в 1475 г., выполнены еще молодым человеком. Позже Закхей вырабатывает еще два изысканных варианта почерка и становится писцом-каллиграфом, создающим настоящие книжные шедевры. В 1495 г. им переписывается на Валааме роскошное „Закхеевское Евангелие“, которое дается вкладом в Хутынский монастырь (не исключено, что в это время уже существовала перспектива перевода Закхея в этот новгородский монастырь в качестве игумена; может быть, этим вызвано и появление «панегирика» архиепископу Геннадию в записи на рукописи). В эти же годы, и, скорее всего, в том же месте, Закхей переписывает еще одно изумительное Евангелие (БАН, 13.1.26). <...> Вероятно, вскоре после 1495 г. Закхей становится игуменом одного из наиболее знаменитых новгородских монастырей — Спасо-Хутынского <...> Сохранилась переписанная им, хутынским игуменом, рукопись 1506/1507 г. В этом же качестве он упоминается в двух ярких произведениях литературы того времени: в „Видении хутынского пономаря“ <...> и в „Повести о посаднике Добрыне“. К этому же периоду его деятельности относится и грамота, выданная Палеостровскому монастырю».⁷⁶

На первый взгляд, такое построение вполне логично и закономерно, однако в источниках имеются некоторые противоречащие ему факты, о чем я уже кратко говорил в «Предисловии» к упомянутой книге Н. А. Охотиной-Линд.⁷⁷ Теперь я попытаюсь остановиться на этом подробнее.

Как уже упоминалось, в «Повести о посаднике Добрыне» говорится о том, что историю эту записавшему ее книжнику рассказал игумен Николо-Островского монастыря Сергий. Игумен Сергий Островский является одной из заметных фигур в истории древнерусской литературы. Это именно он «повѣда» некоему новгородскому книжнику еще одну историю, известную как «Повесть о Благовещенской церкви». Эта повесть прямо начинается словами: «Тои же чудный муж Сергие повѣда о Благовѣщенской церкви...», и это объясняется

⁷⁵ Корецкий В. И. Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 450.

⁷⁶ Охотина-Линд Н. А. Сказание о Валаамском монастыре. С. 145.

⁷⁷ Бобров А. Г. Предисловие // Охотина-Линд Н. А. Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 8—10 (1-я pag.).

тем, что в сборниках она следует сразу за «Повестью о посаднике Добрыне». Таким образом, обе повести были рассказаны одним и тем же лицом и составляют определенное единство. Вопрос о том, в какие годы рассказчик двух повестей Сергей являлся игуменом Островского монастыря, довольно ясен: в этом качестве он упоминается в трех давно опубликованных новгородских грамотах, бесспорно датируемых 1460—1470-ми гг.⁷⁸ Его сын Закхей, названный «нынешним» игуменом Хутынского монастыря, казалось бы, в 1470—1480-х гг., согласно исследованию Н. А. Охотиной-Линд, был валаамским иноком. Однако упоминавшаяся выше недатированная грамота Хутынского игумена Закхея была дана Палеостровскому игумену Конону, а настоятельство самого Конона засвидетельствовано двумя грамотами с указанными в них датами 1477/1478 и 1478/1479 гг.⁷⁹ Таким образом, конец 1470-х гг. — это наиболее вероятное время письменной фиксации рассказанных игуменом Сергием новгородских легенд. Из датировки «Повести о Благовещенской церкви» (см. выше) очевидно, что игумен Сергей рассказывал свои истории составителю «Повестей древних лет» во всяком случае до 1494 г., а значит, и Закхей назван «нынешним» Хутынским игуменом не *после*, а *до* написания им на Валааме Закхеева евангелия 1495 г. В таком случае понятно, что заказ Хутынского монастыря Закхею на написание этой рукописи объясняется не предположительной «перспективой перевода Закхея в этот новгородский монастырь в качестве игумена», как думает Н. А. Охотина-Линд, а тем, что он уже был до этого хутынским настоятелем, именно поэтому он и переписал на Валааме рукопись для своего бывшего монастыря. То, что в 1505—1507 гг. Закхей вновь становится игуменом на Хутыни, не является беспрецедентным: известно повторное игуменство в этой же обители Нафанаила — сначала в 1471—1475 гг., а затем вновь — в 1495 г.

Если письменная фиксация двух рассказов игумена Сергия может быть датирована концом 1470-х гг., то вполне вероятно, что тот же книжник записал и рассказ пономаря Аарона, вспоминающего, видимо, на старости лет, о чуде, бывшем в 1439 г., а также воспроизвел по памяти рассказ архиепископа Ионы, умершего в 1470 г.

Хронологически «Новгородский цикл» как бы пришел на смену летописанию, ведение которого с потерей независимости Новгорода в 1478 г. было вовсе прекращено. Однако уже в 1470-х гг. нет никаких указаний на «владычный» характер летописи, вполне очевидный до этого времени. Архиепископ Феофил, избранный на место умершего в 1470 г. Ионы, упоминается на всем протяжении летописного повествования за 1470-е гг. только 3 раза, там, где не упомянуть его было просто невозможно: при возведении на кафедру (1470 г.), при заключении Коростынского мира с Москвой (1471 г.) и при «поставлении» в архиепископа в Москве (1471 г.). В описании Шелонской битвы 1471 г. лето-

⁷⁸ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 114, 117, 120; Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 223—225.

⁷⁹ Охотина-Линд Н. А. Сказание о Валаамском монастыре. С. 143; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 316.

писец даже явно осуждает действия архиепископской дружины: «Коневаа рать не пошла к пѣшеи рати на срокъ в пособие, зане же владычнь стягъ не хотяху ударитися на княжую рать, глаголюще: „Владыка намъ не велѣлъ на великого князя руки подынути; послалъ насъ владыка на Псковичъ“».

Следует отметить, что предшествующее 1470 г. официальное «владычное» летописание дошло до нас в составе так называемой Летописи Авраамки, и с литературной точки зрения оно является произведением незаурядным. Летописец охотно использует риторические приемы, выработанные представителями школы «плетения словес», особенно нанизывание эпитетов («той день благъ, и светель, и радостень»; «святителя чествна, смирена, благоумна»; «мужа чествна, проста и тиха»; «бысть дни снежны, бурны, студены, бестравны» и др.); ритмизацию повествования и глагольные рифмы. Не вызывает сомнения тот факт, что автор известий «Летописи Авраамки» за период до 1469 г. был официальным «владычным» летописцем, весьма искусственным в литературе. На смену «деловому» стилю новгородского летописания предшествующих веков он принес ярко окрашенный «экспрессивно-эмоциональный» стиль, наполнив свою летопись молитвами, восклицаниями (например, «малъ векъ, кратко время!»), цитатами из церковной службы и Священного Писания. Мною на основании стилистических сопоставлений было высказано предположение, что этим летописцем был знаменитый писатель XV в. Пахомий Логофет.⁸⁰

Складывается впечатление, что составитель известий «Летописи Аврамки» за период перед 1469 г. был последним «владычным» летописцем, а с 1470 г. ведение летописания передается в руки магистрата. В этой связи существенно, что в некоторых текстах цикла новгородских повестей можно, наряду с антилатинскими настроениями, видеть и антипосадничьи выпады («Повесть о посаднике Добрыне»). Связь создания «Новгородского цикла» со спорами 1470—1480-х гг. о выборе между Западом и Москвой представляется очевидной, причем позиция его составителя — в целом антизападная и лояльная по отношению к московским князьям. Именно этот состоящий из 6 фрагментов памятник был назван его составителем «Повестью древних лет».

5. Атрибуция «Новгородского цикла»

Вопрос о вероятном составителе цикла новгородских повестей Волоколамского сборника пока в научной литературе не обсуждался. Установление времени создания «Новгородского цикла», вообще говоря, уже само подводит нас и к догадке о его авторе. В 1470—1480-х гг. в Новгороде был, насколько нам известно, один книжник, профессионально интересовавшийся сведениями о жизни новгородских святых и об истории основанных ими обителей; автор, перу которого принадлежат Жития и Службы Варлаама Хутынского, Саввы Вишерского, архиепископов Иоанна, Моисея, Евфимия II и Ионы, и, между прочим, не-

⁸⁰ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. С. 232—233; текст см.: ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. Стб. 197—224.

смотря на свой интерес к новгородской истории, положительно относившийся к Москве, где он прожил многие годы, — это Пахомий Серб (Логофет). Из написанного им Жития архиепископа Моисея ясно, что сам Пахомий, прибывший в Новгород еще в 30-х гг. XV в., был жив по крайней мере в 1484 г., так как в нем говорится о случившемся в это время чуде с присланным из Москвы архиепископом Сергием, наказанным за свое неверие в новгородских святых.

Существуют 3 весомых аргумента в пользу того, что создателем подборки новгородских и афонских сказаний был именно Пахомий Серб. Во-первых, одна из статей цикла, засвидетельствованная как Волоколамским, так и Лихачевским сборниками, — это Чудо Варлаама Хутынского о двух осужденных. Как аргументированно предположил Л. А. Дмитриев, основываясь на совершенно других соображениях (а именно на анализе последовательности чудес в списках Жития), данный текст принадлежит перу Пахомия и был дополнительно включен им самим в собственную версию Жития в 1470-х гг. (см. об этом выше).

Во-вторых, из Жития архиепископа Ионы известно, что владыка просил Пахомия Логофета написать Житие Михаила Клопского, «но не возможе его принудити писати», в то время как в «Новгородском цикле» содержится рассказ архиепископа Ионы от первого лица, обращенный к автору подборки, о бывшем ему пророчестве будущего архипастырства Михаилом Клопским («Поведа нам сам господин архиепископ Иона...»). Естественно, «понуждая» агиографа взяться за перо, владыка Иона Новгородский и должен был рассказать ему эту историю.

Наконец, третье. В Волоколамском сборнике сразу вслед за 6 новгородскими историями тем же почерком и на той же бумаге переписано еще 5 других, посвященных Святой горе: «О Святогорском монастыре, зоводем Иверский», «О другом монастыре святогорском, еже есть Ватопеде», два рассказа святогорского старца Герасима — о гласе от образа Господня и о старце Павле, и «Воспоминание... святых горы Афонских». Манера изложения в святогорском разделе, несомненно, напоминает манеру изложения в новгородской части: достаточно сказать, что мы видим ту же систему ссылок: «Поведа нам старец от Святых горы, именем Герасим...», «Тои же старец Герасим поведа...». Конечно, этот факт заставляет нас вспомнить о происхождении Пахомия, пришедшего на Русь со Святой горы.

Стилистическое единство всего цикла позволяет, на наш взгляд, говорить о том, что он написан одним книжником. В центре каждой из 11 историй находится чудо или чудесное знание (предсказание). Единство повествования новгородской части определяется не только общим заголовком («Повести древних лет») и одинаковой системой ссылок на рассказчиков, но и тем фактом, что только последний, шестой фрагмент (Чудо Варлаама Хутынского о двух осужденных) завершается формулой «ему же слава и ныне, и присно, и вь веки веком», а другие тексты соединяются фразами такого рода: «Сиа же дозде» — «Тои же ми чюдным муж Сергие поведа»; ... — «Сие же о церкви Пречистых»; ... «Приложимъ убо и сие к прочим преславным чюдодеиствам» и не имеют традиционных заключительных формул. «Новгородский цикл», озаглавленный в рукописи «Повесть древних лет», очевидно, представлял собой уникальное явление.

ние в истории древнерусской литературы. Некий новгородский книжник собрал и литературно обработал записи устных рассказов-легенд о местных подвижниках и монастырях, при этом зачастую сохранил форму повествования от первого лица или указание на рассказчика истории.

В то же время должно быть отмечено и стилистическое единство новгородских и афонских сказаний. Оно определяется, например, постоянным (к месту и не к месту) использованием слова «абие». Оно встречается в «новгородских» сказаниях цикла 6 раз («И абие стекошася множество народа на великий мость» (л. 353); «и абие въскорѣ томъ часѣ прииде туча з дождемъ и з градомъ» (л. 353 об.); «и абие страхомъ и радостию объята быста, приступиста к коню» (л. 355); «абие опаляя их огонь, и многажды покусившеся пси приступити къ хлѣбу» (л. 356 об.); «абие идяше по улицы блажень муж» (л. 358); «абие самъ стал, никим же молимъ, и нача народ благословляти и просити осуженнаго себѣ» (л. 359)), а в «афонских» — 9 раз («И абие принес ю на брег пристанища градцакого»; «И се абие подняся честная она икона от воды»; «И се абие невидима бысть от очию его» (л. 361); «устремися взяти рукою икону, она же абие отскочи от руку его»; «И абие текохъ, скоро притече къ игумену» (л. 361 об.); «и се абие отрочя течяше пред ними въ купину» (л. 364 об.); «и абие родителие падше пред иконою» (л. 365); «и абие братья, взявше мощи его и, по повелѣнию его, повезоша на море в сандалии»; «и абие поиде судно особѣ, никим же направляемо» (л. 366 об.)). Постоянное и даже чрезмерное использование слова «абие» представляется характерной чертой, особенностью стиля именно того книжника, который создал цикл «новгородских» и «афонских» сказаний. Для сравнения заметим, что на всем протяжении текста Новгородской первой летописи старшего извода это слово употреблено только 2 раза.⁸¹

«Неукрашенность» текстов «Новгородско-афонского сборника», сохранение в них повествования от первого лица и ссылок на рассказчиков позволяет видеть в них рабочие записи Пахомия Логофета, неоднократно упоминавшего в своих Житиях, как он расспрашивал разных людей о своих героях. Такие записи, очевидно, не предназначались для тиражирования, и действительно статьи, вошедшие в состав сборника, не получили широкого распространения в рукописной традиции; они известны по единичным спискам.

6. Место создания «Новгородского цикла»

Ссылки Пахомия Логофета на рассказы игумена Николо-Островского монастыря Сергия заставляют нас внимательнее рассмотреть, что из себя представляла эта обитель.

Дата основания Николо-Островского монастыря, находившегося на образованном рекой Вишерой и протокой островке (возле д. Родионово), нам точно неизвестна. В Новгородской первой летописи старшего извода находится из-

⁸¹ A Concordance to The First Novgorod Chronicle (Synodal Edition) / Edited by Naoki Chujo. Nagoya, 1998. P. 10.

вестие под 6705 (1197) г.: «Томъ же лѣтъ постави церковь на острове святого Никифора Мартурии архиепископъ», однако нет достаточных оснований для того, чтобы предполагать одновременное основание монастыря, а также для того, чтобы уверенно отождествлять упомянутый здесь «остров» с церковью св. Никифора и тот «остров», на котором мы позже, в XV в., обнаруживаем Николаевский Островский монастырь. Даже если церковь, основанная «на острове» в 1197 г., действительно имела посвящение св. Николаю, монастырь здесь достоверно фиксируется как летописью, так и актовым материалом только начиная с 60-х гг. XV в. Именно в это время обитель и выступает в качестве книжного центра.

Особый интерес к этому монастырю проявляет автор заключительной части «Летописи Авраамки», который, как уже говорилось, может быть предположительно отождествлен с Пахомием Логофетом. Под 6971 (1463) г. этот автор отмечает следующее событие: «Того же лѣта подписываша церковь святого Николы на Островѣ, повелѣниемъ и тщаниемъ и вѣроу еже къ святому Николѣ рабомъ Божиимъ Пуминомъ, ключника владычня архиепископа Ионы, но не успѣша написать зимы ради».

Именно с этим владычным ключником Пименом связана одна из наиболее замечательных рукописей XV в. — «Островское евангелие» 1468 г. (Московский областной краеведческий музей, г. Истра, Инв. 7344/Б 651 З.В.70). На л. 363—363 об. этой пергаменной лицевой рукописной книги находится запись рукой писца: «В лѣт(о) 6976 [1468] индик(та) 1 написана бы(сть) книга сиа св(вя)тое Еу(ангел)ие в Великом Новѣград(ѣ) при великом князи Иванѣ Васил(ь)евич(и) и при архиеп(и)с(ко)пѣ Великог(о) Новаград(а) и Пскова вл(а)-д(ы)кы Ионы, повѣлениемъ раба Б(о)жиа с(вя)щенноинока Пимена, влад(ы)чня ключника хлѣбного».

Как отметила Э. С. Смирнова, «ключник Пимен, работавший при дворе архиепископа Ионы, вошел в историю своей активной политической деятельностью. Он был сторонником Марфы Борецкой в борьбе против присоединения Новгорода к Москве, агитировал за союз с Литвой и мечтал сам занять владычный престол, однако потерпел жестокую неудачу, о которой язвительно рассказал промосковски настроенный составитель летописи».⁸² Как запись на «Островском евангелии» 1468 г., так и известие «Летописи Авраамки» 1463 г. свидетельствуют о тесной связи ключника Пимена, этого яркого деятеля новгородской политики и культуры, с Николо-Островским монастырем.

Далее, вслед за известием 1463 г. о росписи церкви св. Николая, в «Летописи Авраамки» помещен подробный рассказ о видении, бывшем старцу Акинфу «у святого Николы чудотворнаго на островѣ» 1 апреля 6972 (1464) г., «в Великъ день», при игумене «Десефѣ». Сходные по характеру рассказы другого, видимо, следующего игумена Николо-Островского монастыря, Сергия, как мы отметили выше, были использованы при создании «Новгородского цикла».

Сведения, содержащиеся в НАСб., позволяют представить себе тот круг новгородских книжников, во главе которого стоял один из крупнейших писателей

⁸² Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода: XV век. М., 1994. С. 106—107.

Древней Руси Пахомий Логофет. Во всяком случае, игумен Николо-Островского монастыря Сергей, отец писца Закхей, был собеседником афонского старца, и два его рассказа были включены в «Новгородский цикл»; имя самого Закхея также упомянуто Пахომием как человека ему знакомого. Именно в Евангелии писца Закхея 1495 г. впервые в русской книжности появляется заставка византийского орнамента, встречающегося в греческих рукописях XIV в. Можно полагать, что истоки обращения книгописца Закхея к византийскому орнаменту должны быть поставлены в связь с тем фактом, что Пахомий Серб прибыл в Новгород с Афона (он постоянно упоминал и даже подчеркивал это обстоятельство в своих сочинениях).

Теперь у нас есть основания связывать письменную фиксацию сказаний, вошедших в НАСб., с деятельностью Пахомия Логофета, записывавшего их в том числе и в Николо-Островской обители у ее игумена старца Сергия. Учитывая наличие в «Летописи Авраамки», к созданию которой, по нашему мнению, также был причастен Пахомий, пересказа еще одной местной николо-островской легенды (под 1464 г.), можно поставить вопрос о связи этого писателя с братией монастыря.

Библиотека Николаевского Островского монастыря, видимо, была достаточно богатой. По описи 1617 г. мы видим здесь «два евангилья напрестольные, на них распятие и еуангелисты медные», а также «36 книг бумажных, 3 книги харатейные», но особый интерес эта обитель вызывает как книжный центр, с которым были связаны имена ярких деятелей новгородской культуры второй половины XV в. — владычного ключника Пимена, игумена Сергия, Пахомия Логофета.⁸³

7. «Новгородский патерик»?

Однажды после обсуждения моего доклада на заседании Отдела древнерусской литературы о новгородских летописях XV в., в котором шла речь и о некоторых нелетописных памятниках, в частности о «Видении пономаря Аарона», Д. С. Лихачев сказал мне в частной беседе: «Имейте в виду, что в рукописях существует особый „Новгородский патерик“». Попытки обнаружить сведения о сочинении с таким названием были абсолютно безуспешны; в научной литературе упоминается о существовании только 4 непереводаемых оригинальных древнерусских патериков — Киево-Печерского, Псково-Печерского, Иосифо-Волоколамского и Соловецкого.

С другой стороны, в древнерусских рукописях известны многочисленные подборки глав или статей (главным образом житий, служб, повестей и сказа-

⁸³ См. подробнее о Николо-Островском монастыре как книжном центре: Б о б р о в А. Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси: Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 70—73.

ний), объединенных по тому или другому географическому принципу; известны в их числе и новгородские. Как правило, такие подборки имеют достаточно позднее происхождение, их списки относятся к XVI—XVII вв. Один замечательный лицевой сборник новгородских текстов, датируемый XVII в., имеется и в Древлехранилище им. В. И. Малышева Пушкинского Дома. Услышав о «Новгородском патерике», я подумал, что Д. С. Лихачев в переносном смысле имеет в виду подборки новгородских сочинений такого рода — разнородных по происхождению, сведенных вместе из разных сборников, не составляющих единой композиции. О. Л. Новикова указывает на существование в XVII в. многочисленных «софийских» сборников, в которых содержались произведения, связанные с новгородским Софийским собором и владычной кафедрой. Наиболее полный сборник такого рода, так называемый Егоровский (РГБ, собр. Егорова, № 1274), был создан в последней четверти XVII в. при новгородском митрополите Корнилии и содержит жития со службами владык Никиты, Нифонта, Антония, Моисея, Евфимия II, Ионы, Серапиона, новгородских святых Варлаама Хутынского, Михаила Клопского, Арсения и Николы Кочанова, а также «Краткий летописец новгородских владык», «Сказание о святой Софии», «Послание Василия Новгородского о рае» и др. Как отметила О. Л. Новикова, «при замене переплета Егоровской рукописи в конце XVIII века на ее корешке было сделано тиснение: „Патерик новгородский“. Однако никаких данных о том, что это название было дано сборнику при его составлении, не обнаружено».⁸⁴ Другой сборник, имеющий самоназвание «Патерик новгородских чудотворцев», был составлен в 1831 г. Паисием Кривобурским в Михайловском Сковородском монастыре под Новгородом.⁸⁵

Таким же образом, говоря о «Новгородском патерике», Д. С. Лихачев мог иметь в виду, подобно книжникам конца XVIII—первой половины XIX в., именно подобные поздние сборники новгородских литературных памятников. Так я и думал долгое время, пока не начал более пристально заниматься подборкой сочинений Волоколамского сборника. Стало очевидным, что именно такого рода цикл новгородских сочинений мог иметь в виду Д. С. Лихачев в устной беседе, а также в своей знаменитой «Текстологии», когда писал: «История древнерусской литературы знает немало циклов произведений, объединенных каким-либо общим (географическим, хронологическим или тематическим) признаком. К сожалению, эти циклы изучаются крайне недостаточно. К таким циклам принадлежит цикл новгородских произведений XV в., изданных в свое время порознь Г. Кушелевым-Безбородко...».⁸⁶

Итак, согласно нашим представлениям, подборка из 6 новгородских повестей в Волоколамском сборнике (и в некоторых других более поздних списках)

⁸⁴ Новикова О. Л. Новгородские сборники XVI—XVII вв. ... С. 76—77.

⁸⁵ РНБ, собр. Александро-Невской Лавры, А—9. 1°. 215 л. Благодарю В. А. Ромодановскую за указание на эту рукопись.

⁸⁶ Лихачев Д. С. Текстология. С. 247.

представляет собой единое авторское произведение, имеющее самоназвание «Повести древних лет». Время его создания — конец 1470-х—1480-е гг. Его автором с достаточной степенью уверенности можно считать жившего на Руси сербского писателя Пахомия Логофета. Вероятно, в поздний новгородский период своей жизни (после 1462 г., когда он в очередной раз вернулся из Москвы) святогорец жил в Николо-Островском монастыре. Очевидно, что памятник должен быть осознан как единое произведение, и поэтому в Приложении к данному исследованию он напечатан в целостном виде, а не в виде отдельных фрагментов — повестей (некоторые, но не все из них были опубликованы в ПЛДР и БЛДР, но попали даже в разные тома).

На мой взгляд, приведенный материал свидетельствует о том, что Д. С. Лихачев справедливо указал в частной беседе на существование «Новгородского патерика», и в этом проявились как присущее ему глубокое знание древнерусской книжности, так и его блестящая научная интуиция.

8. Неовизантийский орнамент

Драматические перемены, произошедшие в жизни Новгорода в конце 70-х гг. XV в., не могли не сказаться и на всем характере его культуры. После 1478 г. в Новгороде полностью прекращается каменное строительство, возобновленное лишь в XVI в., прерываются ведение летописания и роспись храмов (монументальная живопись). Как отметила Э. С. Смирнова, «при таких обстоятельствах, похоже, вся творческая энергия художников обратилась к созданию произведений „малых форм“, в частности книжного декора».⁸⁷ Проанализировав развитие новгородского книжного искусства 1480—1490-х гг., Э. С. Смирнова обратила внимание на его наиболее существенную черту — воскрешение византийских традиций. Особое место в этом ряду занимает знаменитое Закхеевское евангелие 1495 г., переписанное на Валааме по заказу игумена новгородского Хутынского монастыря (БАН, 24.4.26). Именно в этом Евангелии впервые для Новгородских земель на смену балканскому орнаменту приходит другой стиль — византийский (или иначе «неовизантийский») орнамент⁸⁸ По мнению Э. С. Смирновой, этот тип орнамента был «создан, сотворен в Москве в конце XV в. на протяжении 1480-х—начала 1490-х гг. как талантливый парафраз традиционного византийского узора»,⁸⁹ хотя исследовательница не приводит фактов существования московских рукописей с византийским орнаментом, хронологически предшествующих Закхеевскому евангелию 1495 г. Надо сказать, что это не единственный случай в ее в целом замечательной книге, когда без доказательств предполагается приоритет Москвы в тех или иных ас-

⁸⁷ Смирнова Э. С. Лицевые рукописи Великого Новгорода С 113

⁸⁸ Там же С 127

⁸⁹ Там же С 129

пектах развития книжного искусства при том, что реально дошедшие до наших дней рукописи новгородского происхождения древнее московских. Исследовательница исключительно высоко оценила значение Закхеевского евангелия в развитии книжного искусства Новгорода, отметив, например, что среди других валаамских рукописей «лицевое Евангелие апракос 1495 г., с его замечательным декором, сияет, как звезда».⁹⁰ Обстоятельства написания Евангелия были изложены самим писцом: «Написана бысть божественаа сия книга Четвероблаговѣстник в дому святого Спаса в монастыри на Валамѣ, по благословению господина игумена Якима, в дом святого Спаса и преподобного чудотворца Варлама, в прѣчестнѣишую обитель на Хутино. Повелѣниемъ раба Божия господина Нафанаила игумена и всего священнаго събора».

Каким же образом «кардинальная смена орнамента»,⁹¹ принципиальная новация для искусства Новгорода, осуществилась в рукописи, переписанной в хотя и знаменитом, но весьма отдаленном монастыре? Возвращаясь к Закхеевскому евангелию 1495 г., заметим, что появление нового «византийского» типа орнамента в нем должно теперь связываться с тем фактом, что его создатель Закхей прошел школу Хутынского монастыря, одного из крупнейших центров книгописания XV в. Сведения о реконструируемом «Новгородском цикле» (куда было включено и чудо Варлаама Хутынского) позволяют представить себе тот круг книжников, в котором получил образование Закхей. Несомненно, во главе этого круга новгородских книжников стоял один из крупнейших писателей Древней Руси Пахомий Логофет. Во всяком случае, отец Закхея игумен Островский Сергей был собеседником афонского старца, а имя самого Закхея упомянуто Пахომием как человека ему знакомого. Тот факт, что знаменитый агиограф прибыл в Новгород с Афона, позволяет полагать, что истоки обращения книгописца Закхея к византийскому орнаменту надо искать в его знакомстве с Пахომием Логофетом.

Падение Новгородской республики в 1478 г. явилось тем поворотным пунктом в русской истории, после которого необходимо было заново осознать смысл происходящих событий. Создавая «Новгородский патерик» и примыкающие к нему афонские сказания, Пахомий Логофет как бы предложил своим читателям смотреть на мир не «внешними», а «сердечными» очами, увидеть его сокровенный чудесный смысл.

⁹⁰ Там же С 162 Писец этой рукописи Закхей оставил на последнем листе подробную запись, содержащую, в частности, похвалу архиепископу Геннадию (говорится, что рукопись переписана « при святѣишем преосвещеннѣмъ Геннадии архиепископѣ великого Новаграда и Пскова, его же благословениемъ архиепископия его миръ глубокъ приемлет, церкви же Божия православия одеждею свѣише истканною одѣяся, исправлениемъ его и учениемъ, и светлѣется паче солнечныхъ зарей, и напаяется яко от источника присноотекуша И сзываетъ вся с высокимъ проповѣданиемъ, глаголюшы „Жажай да придетъ къ мнѣ и пьетъ“» (л 484))

⁹¹ Смирнова Э С Лицевые рукописи Великого Новгорода С 126

ПРИЛОЖЕНИЕ

РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 659, л. 352—367 об.

л 352

**ПОВѢСТИ ДРЕВНИХ ЛѢТЪ,
яже съдѣяшася в Великомъ Новѣгородѣ**

О посадникѣ Добрынѣ¹

В лѣта благочестивых великих князеи наших русскихъ, живущимъ новгородцемъ в своей свободѣ и со всѣми землями в мѣре и совокуплении, прислаша нѣмцы от всѣхъ седмидесяти городов посла своего, биша челомъ архиепископу новгородцкому, и посадником, и тысяцкимъ, и всему Великому Новугороду, глаголюще: «Милыи наши съсѣды, дайте намъ мѣсто у себе, посредѣ Великого Новагорода, гдѣ поставити божница по нашей вѣре и обычаю». И новгородцы отмовиша и рекуще: «Милостию Божиею и его пречистыя Богоматери и отца нашего господина архиепископа благословением и молитвою у нас в вотчинѣ господа нашей великих князеи русских, в Великом Новѣгородѣ, стоятъ всѣ церкви православныя нашей вѣры христианьския. Ино кое причастие свѣту къ тмѣ, также и вашей божницы быти как в нашем градѣ?».

л 352 об

Бѣ же тогда посадникъ степенный, Добрыня именемъ. // И нѣмцы, слышавше жестокии отвѣтъ от архиепископа и от всего народа, и своимъ лукавствомъ биша челомъ посаднику Добрынѣ, и даша ему посул великъ. О семъ бо и Соломонъ рече: «Всѣ послушаютъ злата». Посадникъ же Добрыня и съ злыми своими совѣтники повели немцомъ говорити старостамъ купецкимъ и купцомъ новгородцкимъ: «Толко нашей божницѣ, храму святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла не быти у вас в Великомъ Новѣгородѣ, ино вашимъ церквамъ у нас по нашимъ городомъ не быти же». И то слышавше старосты купецкии и всѣ гости новгородцкии², начаша бити челомъ господину своему отцу архиепископу имярек и всему Великому Новугороду, рекуще: «Пожалуйте, поволите нѣмцомъ поставити ропату по ихъ обычаю и вѣрѣ, и мѣсто имъ дайте, гдѣ полюбятъ. Зане же не будетъ ихъ божницы здѣ, ино нашимъ церквамъ³ у ихъ не быти таже». И посадникъ Добрыня за старость и за гости начатъ говорити: «Толко не будетъ нашихъ церквей по немецкимъ городомъ, ино нашимъ гостемъ // новгородцкимъ велики будетъ нужно». И архиепископъ, и новгородцы, послушаа посаднича совѣта и гостей своихъ челобитья, поволѣиша немцомъ поставити ропату, а мѣсто имъ укажетъ посадникъ, гдѣ будетъ прилично.

л 353

И нѣмцы избраша себѣ мѣсто посреди града в Торгу, гдѣ стоитъ церковь деревяна святого Иоанна Предотечи. Посадникъ же Добрыня, ослѣпленъ мздою и наученъ диаволомъ, повелѣлъ снести⁴ церковь святого Предтечи⁵ на ино

¹ На поле помета ѿ (=20) ² Испр., в ркп ногородцкии ³ Испр., в ркп црквамъ (без титла) ⁴ В ркп зачеркнуто другими чернилами ⁵ В ркп над строкой дописано другими чернилами и другимъ почеркомъ снести

мѣсто, а то мѣсто отвель нѣмцом. Предтеча же Господень не терпя вражия навѣта и его злаго совѣтника, что испоругаль святыи его храмъ мзды ради.

В нощи убо тои услыша понамарь тоя церкви Предтечевы глас, глаголющъ ему: «Заутра на третьемъ часу дневномъ иди на Великии мостъ и повели новгородцемъ смотрити Добрынина посаднича чюда». И понамарь заутра възвѣсти новгородцомъ, яко же слыша. И абие стекошася множество народа на великии мостъ видѣти, что хошетъ быти. И како же поѣха посадникъ Добрыня с вѣча къ своей улицы чрезъ Волхово въ насадѣ с людьми своими, // и внезапно л 353 об прииде вихрь и, вземъ насадъ, възнесе на высоту яко боле дву сажени, и удари о воду, и ту потопе посадникъ Добрыня къ дну, а прочихъ всѣхъ переимаша в судехъ в малыхъ перевозники. И тако неводо⁶ мрежами и ужие вда, възмогоша вывлещи тѣло его изъ рѣки. За свое же лукавство не получи и погребения, яже есть⁷ обычаи православнымъ.

Сия ми повѣда игуменъ Сергии Островскаго монастыря отъ святого Николы, отецъ Захивъ, нынѣшняго игумена Хутиньскаго.

О тои же ропатѣ

И яко же совершиша нѣмцы ропату свою и наяша иконниковъ новгородцкихъ, и повелѣша имъ написати образъ Спасовъ на ропатнемъ углу, на полуденнѣи странѣ, вверху, на прелестъ христіаномъ и на соблазнъ. И яко же написаша иконописцы образъ Спасовъ на ропатѣ, архіепископа не доложаша, и открыша покровъ, и абие въскорѣ томъ часѣ прииде туча з дождемъ и з градомъ, и выбило градомъ и мѣсто то, иде же былъ написанъ // образъ Спасовъ, и левкас смыло дождемъ, яко же не явитися ни знаменію писаниа. л 354

Сия же дозде.⁸

Тои же ми чюдный мужъ Сергіе повѣда

О Благовѣщенской церкви

монастыря Благовѣщенскаго,

юже создаша два брата по плоти, потомъ же оба бывша архіепископи
Великому Новгороду, именемъ Григоріи и Иванъ

Сия убо бѣста братіа себѣ по плоти. Бѣста же благородну и благочестивому и богату родителю чада, имѣста же оба межи собою любовь, яко истинная братіа плотию и духомъ⁹. Яко же видѣста родителя своя преставльшася, имѣниа же многа имъ оставльша, имѣста вѣру велику къ пречистой Богоматерѣ, владычицѣ нашей Богородици приснодевѣ Маріи, помыслиста създати монастырь во имя Пречистые, честнаго ея Благовѣщенья. И яко же поставиша

⁶ В ркп буква ы написана поверхъ несколькихъ затертыхъ буквъ другими чернилами и другимъ почеркомъ ⁷ В ркп слово есть написано дважды ⁸ Далее в ркп стоитъ крестъ (рукою писца) ⁹ Испр., в ркп дхомъ (безъ титла)

л. 354 об. церковь в началѣ древяну и монастырь соградиша, и вся, яже на потребу, устроиша, и кѣлиа, и трапезу. Та же не по мнозѣ време[ни] съвѣщастася поставити церковь камену, // и наяха хитреца зиждущих церковь, яко же начаша соиздати и dospѣша до раменъ, недоста сребра на совершение. Они же начаша тужити, не вѣдуще, что сътворити, и от многиа печали и срама помолишася пречистой Богоматери, глаголюще: «Ты убо, владычице, вѣси вѣру нашу и любовь, еже къ сыну Твоему и Богу нашему, и к Тебѣ, яко со всѣмъ усердиемъ и вѣрою на дѣло сие, пречестнаго Твоего храма, подвигохомся и на тя, Богомати, помощь и надежу возложихом. Помози намъ на съвершение храма Твоего пречестнаго сего. Посли помощь свою, владычице, и не посрами нас, рабѣ своих, яко начахом здати и не можемъ съвершити без Твоея помощи, недоставшу серебру, яже къ съврѣшению».

л. 355 Сѣтующема же има о сребрѣ, вкупѣ же и молящемася милостивому Спасу и пречистѣи его Богоматери, является имъ пречистая царица Богомати въ снѣ, глаголя имъ: «Что убо в толику печаль и сѣтование вдастася о создании церкви моя, любимая мною раба Божия? // Не презрю моления вашего, и вѣры, и любви. Вскорѣ убо послю вамъ, яже къ съвершению, яко и на ину потребу преизбудеть. Токмо потщитесь к дѣлу и не оскудѣита вѣрою».

л. 355 об. То же видѣние оба брата видѣста и слышаста, вѣставша от сна радостна и надежею укрѣплястася. В тои же день по отпѣтии убо пѣния утренняя изыдоста оба брата пред врата монастырская по обычаю напред всѣх. По Божию же устроению и его пречистыя Богоматере видят оба брата не в мѣчтании, но явѣ, конь велми дивен, предстоящъ пред враты монастырскими, обузданъ позлащеною уздою, и сѣдло на немъ оковано златомъ, яздыаго же на немъ не бѣ. Стояша же кротцѣ недвижимо, яко ожидая мужа она к себѣ. Она же дивящеся велми, зряще красоты и величества коня оного. И абие страхомъ и радостию объята быста, приступиста¹⁰ к коню // и видят два чемоданца немала по обѣ странѣ седла висяща, полна суца. И дивистася коня оного стоянию и кротости, и помыслиста от Бога послану ему суцу. Таже, смѣя и не смѣя, помянувшѣ Пречистыя имя, взяста мѣшца она с сѣдла оба. Конь же не обрѣтеся пред ними. И начаша, радующеся, раздрѣшати мѣшца, и обрѣтоша въ единых — злато и в других — серебро, полна суца оба. Милостию же Божиею и пречистыя Богоматерѣ совершиста церковь и украсиста всякою лѣпотою, иконами, и подписми, и книгами. Таже и сель довольно куписта и предаста монастырю, прочее же даша игумену и братьи. Таже и сами взяста на ся иноческии образ. И пожиста в томъ монастыри въ постѣ и в молитвах, и в прочих добродѣтелях просияста и Богу угодиста, и Богъ прослави их ради добрыхъ дѣлъ их. Взята быста единъ по едину по времени на архиепископский столъ Великого Новагорода // и Пскова и добрѣ упасше порученое имъ стадо. И положена быста оба въ соборной церкви святыя Софиа. А у Благовѣщенна въ церкви положен бысть архиепископъ Феоктисть, бѣ бо ис того монастыря взятъ на престолъ.

¹⁰ В ркп. буквы ступи написаны дважды; первое написание выскоблено.

Сие же

**О церкви Пречистыя честнаго ея Рождества,
яже есть в монастыри женъствомъ на Михалицѣ, так зовемъ от искони¹¹**

Повѣда ми нѣкто от честныхъ о церкви Пречистыя, яже есть в монастыри на Мѣхалицѣ, сие. Убо бысть мужъ нѣкто, благочестивъ обычаи имяша от дѣтска по вся дни приходити въ церковь къ всякому пѣнию церковному. Таже по отпѣтии принимаше дору и хлѣбъ Пречистыя по обычаю от священника. То же творяще и по ястии обѣда, аще прилучашеся гдѣ священникъ, взимаше от него чясть Пречистыя хлѣба. Званъ же бысть нѣкогда тои благочестивый мужъ от нѣкихъ на пирь, и яко же по обѣдѣ раздаваше священникъ хлѣбъ Пречистыя, взять же и онъ благовѣрный^{11а} мужъ часть Пречистыя хлѣба, и яко въсхотѣ снѣсти, // помяну нѣчто неначаанно сотворшееся ему в дому, и не яде хлѣба оного, но свя- л 356 об
за в платъ, хотя заутра снѣсти. Та же сѣде пити с людьми на пиру ономъ, и, яко же бысть веселье, поиде в домъ свои, бѣ бо далече. И не дошед до двора своего, рознялъ его сонъ и хмель, и леже на простѣ мѣсти. Спящу же ему, людие же бяху назирающе его из домовъ своихъ, когда въстанет. Оному же спящу крѣпцѣ, случися убрусу оному в руцѣ его быти, в немъ же хлѣбъ Пречистыя. Приступиша к нему пси диаволими навожениемъ, ощутивше хлѣбъ онъ, и яко хотяще исторгнути от руку мужа оного хлѣба оного. Абие опаляя¹² ихъ огнь, и многажды покусившеся пси приступити къ хлѣбу Пречистыя, огнь опаляше ихъ.

Видѣвше мужие мѣста оного, притекше отгнаша псы, и мужъ, въсставши от сна, бывшее же оно чюдо повѣдаша всѣмъ. Они же, слышавше, удивишася велими, и повѣдаша архиепископу. Онъ же повелѣ постави церковь // Пречистыя, л 357
честнаго ея Рождества, таже и монастырь составиша на томъ мѣсти, яже и донынѣ стоитъ Божиею милостию и молитвами Пречистыя его Матерѣ. На ономъ же мѣстѣ, идѣ же огнь исхожаше, поставиша святую трапезу въ славу и честь святыхъ и живоначальныхъ Троица и Пречистыя его¹³ Богоматере.¹⁴

[Видение пономаря Аарона]¹⁵

При архиепископѣ Еуфимии Новгородскомъ въ едину ночь видѣ пономарь Софѣйской инокъ Аронъ не во снѣ, ни в привидѣнии, но явѣ, прежде отшедшая архиепископы прѣжными дверми церковными влѣзша ис притвора въ церковь и идоша въ святыи олтарь, двери имъ церковныя сами о себѣ отверзошася. Пономарь же Аронъ лежааше на одрѣ своемъ, страхомъ великимъ одрѣжимъ, не смѣ побудити своихъ товарищовъ, онѣмъ спящимъ, не вѣдущимъ бывающаго. И помалѣ поидоша изо олтаря въ своемъ чину, яко же на выходъ, единъ по единому, и сташа предъ иконою Пречистыя Богоматере предъ Корсунскою, и начаша // пѣти на многъ часъ, гласъ же ихъ слышашеся, а словесъ глаголемыхъ отъ нихъ не можетъ л 357 об

¹¹ На поле помета ꙗ (=21) ^{11а} В ркп испр вместо блаженный (рукой писца) ¹² Испр, в ркп опялая ¹³ В ркп написано поверх затертого текста ¹⁴ Далее в ркп стоит крест (рукой писца)
¹⁵ На поле помета ꙗ (=22), заглавия в ркп нет, добавлено издателем

разсудити. Стоявше же яко час, та же поидоша въ святыи олтарь, и не видѣ их к тому, ни гласа их не слыша.

Архиепископу же Еуфимию и всему священному събору пришедшу на заутреню, и понамарь Аарон повѣда всѣм, еже видѣ преславное видѣние. Архиепископъ же Еуфимие бывъ радостен о таковоѣ явлении и прослави Бога, и рече: «Не оставит Богъ мѣста сего молитвъ ради святыхъ своихъ архиепископовъ», и пѣл панахиду по архиепископех и с собором, и обѣдную служил у соборъной церкви, и съборяномъ далъ почестъ, кормил и поил ихъ, и милостыню далъ, так же и милостыня¹⁶ нищимъ много¹⁷ раздая в тои день.

О архиепископѣ Ионѣ Новгородцкомъ¹⁸

Повѣда намъ самъ господинъ архиепископъ Иона: «Егда, — рече, — бѣхъ еще младенецъ, оставшу ми сиротою от отца седми лѣтъ, а от матери — треи лѣтъ, и положилъ Богъ на сердце женѣ вдовицѣ именемъ Натальи, матери Якова л. 358 Дмитриевича Медоварцовъ, а Михаи//ловъ бабѣ, и взя мя в домъ к собѣ, и начат кормити и одѣвати яко истинная мати родная. Та же вда мя на учение грамотѣ дьяку. Бысть же въ училищи томъ множество дѣтей учащихся, мнѣ же от убожества и нищеты сущу тиху и смирену, бѣхъ бо и болязнивъ, не приставахъ къ прочимъ дѣтемъ. Онѣмъ убо играющимъ, яко же обычаи есть дѣтемъ, азъ же на нихъ толико смотряхъ, како играютъ.

Въ единъ убо отъ днии, дѣтемъ играющимъ по вечерне, абие идяше по улицы блаженъ мужъ. Дѣти же устремившеся на него всѣ, и начаша метати камене и сметие на очи его. А мнѣ стоящу на единомъ мѣсти недвижимо. Онъ же, оставя всихъ дѣтей, притече ко мнѣ и вземъ мя за власы, да подынялъ выше себе и начатъ звати именемъ, никако же зная мя, ни отца моего, ни матери моея: „Иванецъ, учися Господне грамотѣ съ прилежаниемъ, быти тебѣ в Великомъ Новѣгородѣ архиепископомъ“».

И по изволенію же Божию, по преставленію архиепископа Еуфимия, по прореченію оногo юродивогo Христа ради, възведенъ бысть Иона на архиепископство Великому Новгороду // и Пскову, и бысть на архиепископствѣ 12 лѣтъ и шесть мѣсяць. Бысть же при его святителствѣ миръ со всѣми землями и тишина, и гобзование плодомъ. И нынѣ его молитвами, Христе Боже, помилуй насъ. Аминь.

Отъ чудесъ преподобнаго чудотворца Варлаама Хутынскаго,

яже множества ради чудесъ его не написана быша сія¹⁹

Приложимъ убо и сие къ прочимъ преславнымъ чудодѣйствомъ преподобнаго чудотворца отца нашего Варлаама. Святиишому убо господину архиепископу

¹⁶ В ркп. зачеркнуто. ¹⁷ В ркп. доб. милостыня. ¹⁸ На поле помета Кѣ (=23). ¹⁹ На поле помета Кѣ (=24).

Антонию Великого Новагорода и Пскова, имуща вѣру къ святому милостивому Спасу, и преподобнаго чюдотворца Варлаама, игумена Хутынского монастыря, имѣяше во чти. Овогда убо самъ архиепископъ приѣждаше в домъ святого Спаса и къ преподобному Варлааму духовныя ради бесѣды, овогда же к себѣ архиепископъ призываше преподобнаго въ архиепископью. Он же яко послушливыи раб ни о чемъ же не ослушается отца своего архиепископа ради еже о Христѣ любовнаго съюза и духовныя бесѣды. Нѣкогда убо архиепископу Антонию по обычаю призвавшу преподобнаго к себѣ // о церковных исправлениях. Чюдотворцу же къ архиепископу ѣдущу, яко бысть на Великомъ мосту, прилучися новгородцомъ по градцкому обычаю осужена человека метати в рѣку в Волховъ. Преподобныи же Варлаамъ повели слугамъ стати в томъ мѣстѣ, гдѣ вмещут человека. Сродникомъ же не успѣвшимъ старцу бити челом, абие самъ стал, никим же молимъ, и нача народъ благословляти и просити осуженнаго себѣ, да порабатает в дому святого Спаса на монастырьскую потребу братьи. Народъ же весь единогласно кликнуша: «Преподобнаго ради отца нашего Варлаама отпустите осуженнаго и дайте его чюдотворцу. Отселе не имат на себѣ в томъ дѣли никакова истязания». Он же, испросивъ повиннаго, посла в монастырь и повели ему работати братьи, и сотвори его угодна на всяку службу, та же и во мнишескии образъ оболкъ его и присовокупи къ братьи, и спасе душу его. л. 359

Паки же во ино время, по обычаю, прилучися преподобному къ архиепископу ѣхати по тому же Великому мосту, и новгородцем²⁰ иного осуженна приведшимъ вкинути в рѣку с Великого мосту, таковъ бѣ²¹ обычаи градцкои. Сродники же его // со множествомъ народа падше пред нимъ, со многими слезами плачуще и молящуся преподобному, чтобы благословилъ народъ и отпросилъ осуженнаго сродника их от лютыя смерти. Онъ же нѣ по нихъ озрѣся на нихъ, повели служъ борзо ѣхати мимо ихъ. Сродницы же рѣша: «Грѣхъ ради нашихъ преподобныи не послуша моления нашего. Предъ малыми денми, никимъ же молимъ, самъ вставъ, нача благословляти народъ и отпросилъ осуженника у народа и у супостатъ. И нынѣ, нами много молимъ, презрѣ моление наше. Что есть се, не вѣма». л. 359 об.

И приведше священоиерѣи къ осуженному, молиша поновити его и причастие дати. И священникъ понови его и причастие дал, отиде от осуженнаго. Приставше и супостатнии его, синуша его с мосту, и сродники же его, взявше мощи его, погребоша его, яко же и прочихъ осужениковъ.

В обитель же приѣха преподобныи, въспросиша его старци, бывшеи с нимъ, и видившеи обое: «Что убо бысть, господине отче, яко оного осуженна никимъ же молима избавилъ еси от горкия смерти прощениемъ своимъ, и велико почение показа о немъ, и въ мнишескии образъ // повелѣ его пострижи и къ дружинѣ причести, сего же презрѣлъ еси, народу и сродникомъ его молящимся тебѣ о избавлении его. Ты же никакъ послуша моления ихъ. Скажи намъ, Бога ради, отче, нами молимъ». л. 360

Онъ же отвръзъ священная²² своя уста, глагола имъ, яко: «Вѣмъ и азъ. Вы убо внѣшни очима зряще, внѣшняя и судите, азъ же сердечными очима смотрѣхъ, яко

²⁰ Испр.: в ркп. новгородцем. ²¹ В ркп. надписано над строкой (почерком писца). ²² Испр.: в ркп. священная (без титла).

он пръвыи осуженный, его же испросих у народа, человекъ въ мнозѣхъ грѣсехъ бывше, и осужен в правду. И яко осудиша его судья, прииде раскаяние в сердце его, и не бѣ помогающаго ему, мнозѣмъ супостатомъ сущим. Но не²³ прииде чяс его. Аз же видѣв, яко иматъ вѣру спастися, испросих его и устроих о немъ, яко Господеви годѣ. Други же, иже по нем осуженный человекъ, без правды осужен²⁴ бѣ по напраснству. И видѣх, яко мученическою смертию²⁵ умирает, и вѣнец ему от Христа предлежит. Не бѣ потребно моление мое о немъ, Христа бо иматъ помощника и избавителя. Вы же о семъ не соблажняйтесь». Братья же поклоншеся ему, взявше прощение, прославиша Бога, прославляющаго святыхъ своя и творящаго дивная и преславная, Ему же слава нынѣ, присно и въ вѣки вѣком.²⁶ //

**О Святогорьскомъ монастыри,
зовомемъ Иверской,
в немъ же церкви Успение Пречистыя²⁷**

Бѣ нѣкто купецъ въ Иверскомъ царствии богат велми, имѣяше сына еди-
нородна млада еще. И разболѣся болѣзнью смертною. И раздая нищимъ множе-
ство богатства, и церквамъ Божиимъ, а прочее остави сыну своему, злато и
сребро, и все житие свое. И приказалъ сына своего сродникомъ своимъ блюсти,
и останки свои вси. И яко преставися мужъ той, начаша приказники злохитрѣст-
вомъ, един по единому, имати лутшии вещи от живота его, сыну еще в млада-
умии не могущу възбранити имъ. И рознесоша весь живот, злато и сребро, и
съсуды всѣ, и запасы, и иконы. Бѣ же у него икона Пречистая велми изрядна,
окована златомъ и²⁸ драгимъ жемчюгомъ, и с каменiem. Отрокъ же нача плакати
пред иконою и глаголати: «О, владычице, всемилостивая царица, помилуй мою
нищету, виждь насилowanie врагъ моихъ, яко звѣрие лютии разграбиша вся, яже ми
остави отецъ мой наслѣдие имѣния своего. Кому быхъ оставленъ на соблюдение,
и се от нихъ и погибохъ. // Конечнее же хотятъ от твоея честныя иконы зрѣния и по-
клонения разлучити мою нищету. Но, о владычице, сама соблюди свое достоя-
ние и устрои упокоище честнѣи сеи твоеи иконѣ, тамо же и мою нищету преупо-
кой, яко всемогущаго Бога мати».

И абие принесъ ю на брегъ пристанища градцаго, и съ всякимъ благочестiemъ
и многими слезами обливъ, пускаетъ на воду, на море. И се абие подняся честная
она икона от воды на воздухъ, яко бы мощно рукою досягнути, и поиде сама о
себѣ быстрѣе орлова летанья. Отроку же зрящу неизреченное оно чудо, и слезы
безпрестани проливаху. И се абие невидима бысть от очию его. Возврати же ся
отрокъ в домъ свой, уже не имѣя ни на что же надежи, все бо отнято бысть от не-
го. И начатъ просити, по граду ходя, яко единъ от нищихъ. И не могъи срама
трѣпѣти, отиде от своего града Трапизонта, и, много похोдивъ по градомъ,
устрѣмися къ Святѣи горѣ, помышляя во иноческий образъ облещися, уже бо в
мѣру возраста исполнения Христова пришелъ.

²³ Испр., в ркп не у ²⁴ Испр., в ркп осужен ²⁵ Испр., в ркп смртию (без титла) ²⁶ Далее
в ркп стоит крест (рукой писца) ²⁷ На поле помета ѿ (=25) ²⁸ Испр., в ркп из

Бѣ же бо отрок благочестив и благообразен, // и любя чистоту душевную и телесную, и безмѣрное смирение, и тихость, скитаяся лѣта многа в нищетѣ, яко в пещи палим от многих напасти и бѣд. Хождааше бо и не вѣды, камо грядет. л. 361 об.

Божественая же²⁹ она и пречестная икона пречистыя Богоматере, егда пусти ю отрок от себе на воду, прииде въ едино мѣсто Святыя горы, бѣ же на мѣстѣ том монастырь, и ста на брежѣ у пристанища монастырскаго, идѣ же братия воду черплют на всяку потребу. И яко бысть год, прииде повар на брегъ почерпѣсти воды, и се видит неизреченное чудо — икону, плавающу близ бервѣ, яко рукою мощи досягнути. От радости устремися взяти рукою икону, она же абие отскочи от руку его. Покуси же ся по трижды повар взяти ея и не возможе. И абие текохъ, скоро притече къ игумену, и повѣда ему, яко икона плаваеъ на брежѣ в монастырскомъ пристанищи: «И аз покусихся многажды взяти ея, и отбѣгаша от руку моея». Игумен же скоро вѣста и повели звонити в тяжкая, // и оболкса в священную одежу, и со всею братиею приде в срѣтение. л. 362
И яко приидоша на брег съ свѣщами и с кандилы, зрят неизреченную ону и преизящную честную икону, к самой берви приближшуся. Игумен же радости духовныя наполнився, приближися, хотя взяти ея, и се устремився икона, вѣскочи от воды сама о себѣ на руцѣ игумену. Игумен же, радостію обаят неизреченною, повелѣ покадити честными ароматы и пѣти молебная Пречистой, и, принесше в монастырь, поставиша в церкви Пречистыя честнаго ея Успения у царьских врат, да видима будет всѣми вѣходящими.

И по мнозѣ времени прииде отрок он въ Святую гору, и начат ходити по монастыремъ и бити челом, чтобы приняли его в монастырь и постригли въ мнишеский образ, но ни въ единъ монастырь не прияша его, яко ненавидима от всѣх, еще же и озлобляху его. Сие³⁰ же бысть промысломъ Божиим, Пречистая бо промышляше о рабѣ своемъ, яко иде же благоволи жилище себѣ, ту и рабу его подобаеъ быти.

Бѣ же³¹ тот монастырь в то время убогаиших прочих. И се прииде отрокъ въ он монастырь, идѣ же бѣ икона его, не вѣдушу ему, бѣ же велми обнищал, // и яко прииде в монастырь, и в тот год поюшим братіям литургию, бѣ же время лѣтнее, вниде отрокъ в церковь, и по обычаю начат въ церкви³² кланятися, взирая на иконы, и се зрит пречестныи и ангелом говѣиныи образ пречистыя Богоматере, честную и многоцѣнную ону икону, яже бѣше нѣкогда в дому его. От несказанныя же радости стояша, не могы проглаголати ничто же мног час, ни поступити на ино мѣсто, игумену же и братѣ дивлящимся стоянию его. Отрок же яко бысть в себѣ, паде пред честною иконою оною, и начат съ слезами гласомъ великим вопити и глаголати: «О, владычице моя, Пречистая, здѣ ли благоволи жилище себѣ въ пречестнѣи обители сеи и в честномъ храмѣ своемъ, яже создан естъ въ честь пресвятого имени твоего?». Обрати же ся къ игумену, и начат сказовати ему, яко: «Икона сиа отца моего естъ». Сказа же имя отца своего имярек игумену, и како пусти ю на море, и в кое время и лѣто, и коею притчею. Они же начаша на его бранити: «Ты ходишь в нищетнѣ // образѣ, а л. 363

²⁹ Далее в ркп. выскоблено несколько (4 или 5) букв. ³⁰ Испр.; в ркп. Сеи. ³¹ Над строкой в ркп. написана буква ѿ (=2?). ³² Далее в ркп. выскоблено четыре буквы.

сказываешься такова отца сынъ, да и икону сказываешь свою. Нѣси ты добръ человекъ. Мы того человека слышали, а иные от братья наша и знали. Он бѣ от великих велмож, того дѣля сказываешь себѣ отцемъ, нѣчто хочешь у нас икону сию украсти». И выбиша его из монастыря вон, ни кормив, ни поив.

Он же, яко бысть за монастырем, начат плакати неутѣшно и глаголати къ Пречистой, яко ту сущи еи: «Владычице, почто забыла еси мою нищету и мое окаянство, и презрѣла мя еси в бѣдѣ сеи? Аз надѣяхся от тебе помощи себѣ и упокою, се нынѣ выгнан есмь от обители твоя, еще же и с поруганиемъ³³». И иная многая глаголаше от великиа печали. И леже на земли, и начат спати. Бѣ же время полуднию, вар же солнечный яко огнем паляше лице его, он же спаше.

л 363 об

Чюдотворная же она икона, никима несомая, выиде из церкви и пришед, ста над отроком на въздузѣ, и начат осиняти ему лице от солнца, не видущу отроку, токмо спаше без пакости от солнечнаго жжения. Братьямъ же обѣдающим в трапезѣ, и по обѣди в подобно время начаша клепати вечернюю, приидоша въ церковь и не обрѣтоша иконы. И всѣ едино//мыслено рѣша, яко взялъ есть икону онъ нищии, бывши здѣ. И поидоша того часа на взыскание отрока, и яко выидоша за монастырь, видят неизреченное чюдо: икону на въздуси, никим же держиму, отроку же спящу, осиняше лице от солнечнаго жжения. Они же стояще дивлящися бываемымъ, и розбудиша отрока спяща, и начаша бити ему челомъ, и съ благоговениемъ, чтобы шол в монастырь. И падше пред иконою с молениемъ, и взявше, принесоша въ церковь, и поставиша на обычномъ мѣсти. Отрока же начаша чѣствовати, и постригоша его въ чернеческий образъ, и потомъ бысть игумен тому монастырю. Оттолѣ начат монастырь распространитися, и всего добра в немъ прибывати. Имѣния и братья бысть до семисотъ, собращася в славу Божию и пречистыя его Богоматере³⁴.

Сие же о другомъ монастыри Святогорскомъ, еже есть Ватопедѣ³⁵

л 364

Бысть в Римстемъ градѣ купец нѣкии велми богатъ, // и по обычаю своему въсхотѣ поѣхати за море. И срядив корабль со всяким товаром, и поѣха по морю съ женою своею и съ единокровнымъ сыномъ своимъ. И бысть за морем лѣто все до того же времени, и с великимъ прибыткомъ³⁶ поиде въ свою землю в корабли по морю, вѣтру им поносну сущю. И по прилучаю водѣ им недоставши, яже на потребу, и присташа у Святыя горы. Купец же онъ и съ женою своею, и с сыномъ своим, — бѣ бо сынъ его мал велми, учящеся ходити, яко и еще и языком нѣмутя бѣ, — выидоша ис корабля на брег, и прочии корабници, сущии с ним, и взявше воду, яже на потребу, и начаша по острову оному ходити,³⁷ събирающе овощия. И яко бысть год поити им на корабль, и начаше людие собиратися на корабль, и собращася всѣ, отроча же оно хожаше³⁸ съ материю

³³ В ркп на правом поле со знаком вставки почерком писца ('), по другими чернилами добавлено и бесчест[ием] ³⁴ Далее в ркп стоит крест (рукой писца) ³⁵ Далее в ркп стоит крест (рукой писца) На поле помета ѿ (=26) ³⁶ Испр, в ркп бриткомъ ³⁷ В ркп над словами по острову помета рукой писца а (=1'), а над словом ходити — ѿ (=2) ³⁸ В ркп после букв хожа выскоблена одна буква (ж?)

своею. И внезапно озрѣся мати его, и не вѣди младенца своего. И начяша искати всѣ корабници, и по три дни искавше, не возмогоша наити его. И оставльше его, поидоста на корабль, недоумѣющесе, или звѣрь въсхитил будет, или в воду впадесе, или в ровъ вринуся. Вѣтру же им поносу сушу, родителем же // плачущимъ и рыдающимъ неутѣшно. И приидоша в дом свои, въ град Римьскый, и безпрестани тужащим о своемъ чади, и никто же можаше утѣшити их. л. 364 об.

И яко минуло лѣто, начат же на купца того съвѣтовати мужу своему и глаголати: «Не могу забыти чяда моего. Поѣдем, господине, и поищемъ его въ Святой горѣ, нѣкли Богъ помилуетъ нас и услышит наше рыдание слезное, и явит нам чадо наше в живых ли, или въ мертвых есть». И поидоша въ Святую гору, и яко быша на мѣстѣ ономъ, идѣ же отроча оста, и, мало походивше, видят родитилие его неизреченное чудо: и се абие отроча течяше пред ними въ купину, мати же тече скоро за ним, зовущи его именем: «Чядо, азъ мати твоя, почто бѣжиши от мене?». Он же отзвася ис купины: «Нѣси ты мати моя. Мати моя здѣ есть, иже мя кормит». И поидоша в купину къ отрочяти, и видят въ купинѣ икону пречистыя Богоматере, и свѣщу, пред нею горящу. Родителие же отрочяти л. 365 л. 365 об. оного // начяша въпрашати его: «Како здѣ пребысть? Или кто питает тебе и грѣть?». Он же, възрѣвъ на икону³⁹ преблагословенныя владычица нашея Богородица, глагола: «Сия мя кормит и грѣть, яко мати ми есть. И свѣща сия безпрестани горит пред нею⁴⁰ день и ночь неугасимо⁴¹. Тебе же не вѣмъ, кто еси, и нѣчто еси привидение».

И абие родителие падше пред иконою, съ слезами глаголаста: «Что ти въздамы, владычице? Мы недостойнии, яже въздася намъ, яко съблюде чядо наше неврежденно от всякого прилога и навѣта, и дарова нам неначаянныи дар». И пѣвше молебная пред честною оною иконою, и поставиша церковь на том мѣсти, идѣ же обрѣтоша отроча и икону Пречистыя в купинѣ, въ имя Пречистыя, честнаго ея Благовѣщення, и устроиша манастирь велми честен. Он же благовѣрный муж и сам пострижеся в том манастири, и имѣние свое вдасть в манастирь онъ.

И есть и нынѣ манастирь велми велик и честен, и стѣна камянна около его. Отроча же ту и возрасте в манастири ономъ, и въ мнишеский образ облечеся, и потом бысть игумен честен в том манастири, прият же порекло от искони и до нынѣ Ватопеди, сиречь в купинѣ отроча. Свѣща же горит пред тою иконою л. 365 об. во дне // и в нощи и до сего дне от оногo огня. Въсхотѣша же икону ту обложити златомъ, и не благоволи Пречистая. Сеи же манастирь поставлен бысть преже лавры великия.

Повѣда нам старецъ от Свѣтѣя горы, именемъ Герасим, дивну вещь

[О некоем старце]⁴²

Старецъ нѣкии живяше в шумѣ и имѣяше ученика священноинока. И яко приспѣ время божественаго поста, старецъ же не можаше терпѣти алканія со-

³⁹ Далее в ркп. зачеркнуто пречистыя Богоматере. ⁴⁰ Далее в ркп. добавлено на поле, другими чернилами неугасим[o]. ⁴¹ В ркп. зачеркнуто. ⁴² На поле помета ѿ (=27).

борнаго поста. Священник же хотяше пѣти преже священную по Уставу манастирскому, старец же предлагаше немощь свою, глаголя: «Не могу, — рече, — чадо, терпѣти не ядыши до уставнаго времени. Поиди и пои, какъ три чясы дневные минут».

Священноинок же бояшеся Устав преступит, не хотяше же и старца послушати, ни оскорбити, зря его старостью преклонена, и вшед въ церковь, начат пред Спасовымъ образом глаголати: «Господи, владыко, пресвятии Исусе Христе, что сотворю? Преступити Устав⁴³ боюся — буду яко законопреступник. Бою же ся и святого своего⁴⁴ старца // послушатися». И бысть ему глас от образа Владычня: «Не послушаися старца. Сътвори по воли его, яко же ти велит». Он же радостен быв, яко сподобися Владычня гласа слышати, начат пѣти, яко же старецъ веляше.

л. 366

Тои же старец Герасим повѣда

[О старце Павле]⁴⁵

Старец нѣкии именемъ Павелъ прииде въ Святую гору от Царяграда, не имѣяше же брады, и не приаша его ни в един манастирь, яко не имѣяше брады. Бѣяше бо Устав сиевъ въ всѣх манастирех Святя горы — не приимати голоуса, ни постригати. Аще ли примуть нѣцыи, тот будет под клятвою, и приимшии, и принятыи. Аще ли лучится умрети голоусу мниху, то по погребении не истлѣют, яко же и прочих умершихъ, мощи, еще же и смрад от нихъ.

л. 366 об.

Сеи же старец Павелъ испроси себѣ мѣсто особно подале от манастиря от Сиропотамиа, и от прочих монастырей, и начать жити жестоцѣ велми в шумѣ. Постъ же его и всенощная бдѣния кто исповѣсть. Придоша же к нему и прочая братиа жити с ним. На всяк день и час поминаше смерть и глаголаше брати, живущим с нимъ: «Бога ради Господа, не погребите мощей моих по умертвии моем в сеи Святѣи горѣ, да не буду преступникъ заповѣди. // И под клятвою святых отецъ, повезите мя на море и верзите, — рече, — мощи моя въ глубину морскую».

Имѣяше же тот Павел два брата родные, в Царствующем градѣ живуща. По мнозѣх же лѣтахъ преставися Павел о надежи въскресения, и абие братья, взявше мощи его и, по повелѣнию его, повезоша на море в сандалии, и хотяще въврещи в море. И бысть имъ плывущим по морю, и яко отплыша от берега поприщ пять или вяще, и хотяще въврещи в море, и абие поиде судно особѣ, никим же направляемо. Онѣм же покушающимся взяти и стати, и не могоста, идяше бо сандалец, направляемъ Божиимъ промыслом къ Царствующему⁴⁶ граду. И яко приспѣша близ града, и направися кораблец къ пристанищу градскому, и увидѣша два человека, яко прииде кораблец къ берегу, и помыслиста в себѣ, яко купци суть иныя земли, и имут нѣкии товар у себе: «Идем, да купим у

⁴³ Далее в ркп. зачеркнуто преступити. ⁴⁴ Слово своего в ркп. написано над строкой рукой писца. ⁴⁵ На поле помета кѣ (=28). ⁴⁶ Испр.; в ркп. Цртвующему (без титла).

них преже иных». И приидоша к кораблецу, и видят святыя мощи святого Павла. // И воспросиша: «Чии суть мощи сиа?». Они же сказаша им: «Имярек, Павловы суть», и вся по ряду житие его, и яко отечество его сего града бяше. л. 367

Обрѣтошася они два мужа, иже приидоша въ стрѣтение, братиа Павлова. И скоро шедше, повѣдаша патриарху. Патриархъ же погребѣсти его честно в монастырь съ отци. По погребении же его⁴⁷ быша многа исцѣления от честныхъ мощей Павловыхъ⁴⁸ болящим в славу святыхъ Троица, и прославиша Бога, творящаго дивная и преславная святыми своими.

Потом же въ Святѣи горѣ, иде же жил Павелъ, постави монастырь честенъ Серпский деспот Юрьи, и собрашася брати до пятисотъ, и церковь постави святого великого мученика Христова Георгия, и нынѣ зовомъ есть Павлов монастырь.

**Вспоминание отчисти Святыхъ горы Афонския,
како наречена бысть Святая гора,
и коихъ ради дѣль тако прозвася**

По иже страшнаго въскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, бяху вси апостоли на единомъ мѣсти сѣдѣюще в горници святого Семиона, с Мариею, с матерію Исусовою, и поставиша жребіа между собою, и кийждо ихъ мѣсту и имя нарече, // которыхъ апостолъ гдѣ проповѣдаетъ слово Божіе. И по глаголу воскресшаго из мертвыхъ тридневно Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, глаголюща: «Шедше в весь мир, проповѣдите благовѣстующе всюду» и прочая, просивши же жребіа и милости владыки нашего Иисуса Христа, яко да не будетъ и тая бесчѣсти, и молитву сътворши къ изнеѣ рождему сыну и Богу, и довольно помолшуся, метну и тая жребіи. Испадѣ и въ жребіи земля Иверская, ити ей тамо. И та с радостию приемшу, нудящи же ся ей поити, предста ей архангелъ Гаврилъ и рече: «Не раздѣляйся, дево, от Иудѣйския земли. Сія ти заповѣдуетъ иже с тебе рождѣся. Земля, иже тебѣ в жребіи падши, на послѣдокъ временъ в твой образъ просвѣтитъ, и ты не будѣши безъ потруженія». л. 367 об.

Лазарь же четверодневный бѣжа въ островъ Кипрскій страха ради Иудейска, тамо рукоположися пастырь от Варнавы апостола. Тщашеся многожды Лазарь приити видѣти матеръ владыки Христа своего, и не смѣяше ити...⁴⁹

⁴⁷ В ркп. зачеркнуто. ⁴⁸ Испр.; в ркп. Павловыхъ. ⁴⁹ Далее в ркп. начинается другая тетрадь с другимъ текстом.